

Из истории иркутского самиздата

«Самиздат... полицентричен. Инициатива в создании самиздатских произведений, как и в их распространении, принадлежит отдельным людям, которые не понуждаются к тому ни дисциплиной, ни групповой этикой. А сама инициатива диктуется не соображениями внешней целесообразности, а внутренним смыслом» (Борис Шрагин «Противостояние духа»)

Человеку, который никогда не сталкивался с самиздатом, возможно, трудно будет в это поверить, но самиздат был всегда, есть практически везде и вряд ли исчезнет в ближайшем будущем. Слово САМИЗДАТ придумал поэт Николай Глазков, вынужденный в течение десятилетий перепечатывать свои стихи в пяти экземплярах и собственноручно их переплетать. На «обложках» этих сборников он ставил год, место издания и вместо названия издательства слово «САМСЕБЯИЗДАТ». Вскоре оно было признано как обозначение широко распространившегося по стране явления.

Существует много определений самиздата. Формальное дано составителями Оксфордского словаря: «unofficial reproduction of unpublished manuscripts» (неофициальное тиражирование неопубликованных рукописей). Несмотря на видимые достоинства такого определения, есть и недостатки: в Интернете практически все можно тиражировать неподцензурно, а переписанные от руки книги Солженицына и др. были опубликованы до «неофициального тиражирования».

Исследователь молодежных субкультур Ксения Мяло дает свое определение: «...самиздатом, то есть литературой, издаваемой и распространяемой какой-то группой или общностью людей независимо от господствующих политических и идеологических институтов, а зачастую и в противоборстве с ними»(1). Мяло, решая конкретные задачи, ограничивает самиздат хронологическими рамками: «Как массовое явление, как основное средство познания и самовыражения общества, самиздат — явление уникальное. Оно характерно для послесталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой». Увы, это трудно признать справедливым даже для какой-то части самиздата. Политического, музыкального, школьного, феминистского, экологического и прочего самиздата хватает и в Америке, и во Франции, и в Великобритании и далее до Малайзии. Вполне возможно, что по количеству изданий, по тиражам и совершенно очевидно — по качеству СССР даже уступал Западу. Во всяком случае, в нашей стране не было, как, например, в Польше, подпольных типографий, способных издать книгу тиражом несколько тысяч экземпляров. В чем СССР, а потом и Россия никому не уступит пальму первенства — так это в постоянстве конфликтов между самиздатчиками и властью.

Периодизация и основные типы самиздата

Из всех видов масс-медиа — радио, телевидение, пресса — последняя лучше всего поддается домашнему моделированию.

Сергей Гурьев, журналист

Если Мяло права в том, что основным способом познания мира и основным способом самореализации самиздат в России стал именно в советское и постсоветское время, то следует выделить четыре основных периода.

1917–1956 гг. — от основания советского государства до XX съезда КПСС (от документов небольшевистских партий, групп и организаций до антисталинских сочинений М. Рютина(2), от проповедей священников катакомбной церкви до произведений неофициальных, запрещенных и эмигрантских писателей). Формально первым упоминанием о самиздате в Советской России можно считать сообщения о лавке писателей Михаила Осоргина, в которой уже в 1918 году писатели и поэты продавали свои рукописные книги, чтобы хоть как-то прокормиться. Насколько можно судить по воспоминаниям современников, самиздатская линия не прерывалась никогда. Старательная борьба «органов» с малейшими проявлениями инакомыслия в конце концов сыграла с советским строем дурную шутку: во второй половине пятидесятых выросло поколение, которое откровенно не понимало, что самодеятельная журналистика или первые пробы пера могут быть каким-то криминалом. Об одном таком случае — школьном самиздатском журнале — вспоминает в своей

книге известный диссидент, ныне профессор Кембриджа Владимир Буковский.

1956-1986/87 гг. — «золотая эпоха самиздата», от XX съезда до освобождения из тюрем и лагерей диссидентов, фактически совпавшего с пересмотром основ советской системы. В этот период самиздат стал массовым явлением, важным элементом жизни общества. И современники (Владимир Буковский), и исследователи (Людмила Алексеева) пишут о том, что главным самиздатом в то время был самиздат поэтический. Перепечатывали стихи Ахматовой, Мандельштама, Пастернака; в то же время количество молодых и никому пока не известных авторов достигало 300 (среди них были Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Эдуард Лимонов и др.). Одновременно расцвел и жанр мемуаров: Хрущев говорил, что после XX съезда КПСС в редакции советских журналов поступило до 10000 лагерных воспоминаний. Поскольку их не напечатали, логично предположить, что значительная их часть в скором времени оказалась в самиздате. Репрессии против участников поэтических вечеров на площади у памятника В. Маяковскому, первые дела по статье «антисоветская агитация и пропаганда», акции правозащитников — вся эта цепочка, в которой одно звено тянуло за собой другое, привела к возникновению специфического жанра правозащитного самиздата. В него включены письма в защиту людей, чьи права нарушались, стенограммы судебных процессов, периодические издания (такие, как «ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»), книги диссидентов (например, книга Анатолия Марченко «Мои показания»). В этот же период возникшая в СССР рок-культура породила и специфический музыкальный самиздат (джаз-самиздат существовал и ранее, но специальных исследований по этой теме пока нет). В книге Александра Кушнира «Золотое подполье» подробно описана эволюция этого явления.

1987–1991 гг. — от фактической легализации «неформальной» общественной деятельности до распада СССР. Если верить исследователю Льву Волхонскому, то в 1986 году во всей стране существовало 10 самиздатских журналов, в 1987 — около 30, в 1988 — около 100, в июле 1989 — 323 издания. Московское бюро информационного обмена (М-БИО) и Московская общественная библиотека подготовили Каталог независимой прессы СССР. В первом варианте этого издания (декабрь 1988 г.) только на славянских языках зафиксировано 150 изданий. В конце 1989 г. Каталог включал около 700 названий. В этот период выходил весь возможный спектр самиздата — периодические издания «неформальных» общественных объединений, (позднее — партий и движений), личные издания, литературные и музыкальные альманахи, газеты, журналы, бюллетени и т.д.

1992(3,4)-2001 год — расплывчатость даты начала периода объясняется тем, что последовавшие после распада СССР либеральные реформы и повышение цен привели к резкому сокращению всех форм самодеятельной общественной жизни. Именно тогда многие сотрудники и редакторы самиздата были вынуждены переключиться на поиски хлеба насущного. Но какая-то часть продолжала эту деятельность даже в самые трудные времена, возникали новые, никак не связанные с предшественниками газеты и журналы, и постепенно (к 1999-2000 гг.) количество изданий вернулось к числу, сопоставимому с 1987-1989 гг.

Точно так же можно разделить самиздат на четыре большие группы, или типа, по его тематике. Первый, старейший, но с распространением Интернета находящийся в некотором упадке — литературный. Вторая группа — музыкальные издания. Третья — общественно-политические, в основном анархистские издания. Анархисты принципиально не идут на регистрацию, так как не считают нужным и возможным спрашивать у государства разрешения на что бы то ни было. Самиздатский статус сохраняют и некоторые издания русских националистов, но в мире самиздата это периферия, с которой основная масса старается не поддерживать контактов. Четвертая группа — экологические издания. Издаются значительными тиражами, предназначены для информирования аналогичных групп о своей деятельности, часто существуют на гранты западноевропейских и американских неправительственных организаций и фондов.

Это деление самое общее, в нем не учтены многие переходные формы.

Техника и технология

Идеальным вариантом для самиздата было бы, если б научно-технический прогресс остановился навсегда после изобретения ксерокса.
Платон Саранкин

Самиздат явно начинался с гусяных перьев, папируса и прочих примитивных средств. Классический советский самиздат предполагал два варианта исполнения: или по стопам Софьи Андреевны Толстой — переписка много раз от руки, или несколько закладок под копирку на пишущей машинке. Во времена СССР, когда ксероксы запирали на ночь в железный ящик, а простые пишущие машинки в учреждениях были под строгим контролем, широкое распространение среди научной интеллигенции (склонной в силу здоровой

самоуверенности к отдельным проявлениям вольномыслия) получил способ распечатки целых книг на принтерах. Особо ловкие умельцы ухитрялись делать книги даже на пишущих машинках, пристроенных к болгарским ЭВМ для распечатки текстовых сообщений. Книга в таком случае приобретала вид античного свитка, читать ее было неудобно, но ради Булгакова или Набокова люди соглашались терпеть неудобства. Что неудобства, если за того же Платонова, Солженицына или западных леворадикальных философов можно было и срок получить!

Во второй половине 80-х, как уже говорилось, количество изданий выросло за короткое время в десятки раз. На короткое время в среде самиздата появилось даже некоторое подобие конкуренции и противоположные по идеологии (например, демократические и православно-монархические) издания старались выходить как можно чаще и как можно большим тиражом. Тут в ход пошли все варианты и возможности, ведь «пять закладок на пишущей машинке нужное количество раз» было явно недостаточно. Использовалась множительная техника предприятий и организаций (особенно заводских и вузовских многотиражек, но за деньги можно было найти доступ и в военные типографии). Примерно в этот момент и появилось разделение технологического процесса на две стадии: изготовление макета и тиражирование. До этого каждый экземпляр журнала мог представлять собой отдельный артефакт, отличающийся от своих собратьев оформлением и — в случае тиражирования посторонним человеком или из каких-то внутренних соображений — даже содержанием. В конце 80-х широкое распространение получила техника машинописного набора текстов, склеивания между собой нескольких статей на один лист формата А3 и даже А2 и дальнейшее тиражирование в служебное время на служебной же технике.

Но постепенно машинопись сменялась компьютерным набором и распечаткой на принтерах. Компьютер имел то очевидное преимущество, что один и тот же макет можно было перевозить в относительно компактном виде (на дискетах) при необходимости даже за пределы страны. Кроме того, компьютер значительно сокращал время изготовления макета, а в исключительных случаях и тиражирование производилось на принтере.

Существовали несколько основных способов изготовления макета. Коллаж — скорее из любви к искусству (очень трудоемко), машинопись — как правило, первая стадия, за которой следует расширение материально-технической базы, матричный принтер — скорее из-за того, что доступ к нему проще, чем к чему-то другому. Высшая стадия — макет на лазерном или струйном принтере, офсетная печать в типографии тиражом до 1000 экземпляров. Что предпочитал конкретный редактор(3) — зависело только от него самого, его связей и финансовых возможностей.

Холодные времена

Как это ни удивительно, но самое «древнее» из достоверно известных сегодня самодельных изданий Иркутской области было создано в 1967 году в г. Усолье-Сибирское. (Мы выходим за хронологические рамки нашего исследования, но эта история заслуживает того, чтобы быть рассказанной). О сборнике «Голубые города» писали Л. Юрьева, журналист газеты «Ленинский путь», участница Литературного объединения, и участник событий А.И. Харитонов(4).

В старинном сибирском городе в 1950–60-х строились гиганты химической промышленности — комбинат «Усольехимпром» и химфармкомбинат. Разумеется, стройка была объявлена Всесоюзной комсомольской и попасть на строительство считалось большой честью. Строительство освещали как профессиональные журналисты городской газеты «Ленинский путь», так и внештатники из многотиражки треста «Востокжилпромстрой» «Огни стройки». При этой редакции и сформировалось литературное объединение(5).

Произведения молодых авторов регулярно появлялись на страницах газет, и однажды кто-то предложил собрать их под одной обложкой. Главным организатором считался сотрудник «Огней стройки» (а до того — зав. отделом писем «Ленинского пути») Евгений Глотов (Гротов). Для сборника отобрали стихи и прозу девяти авторов. Игоря Тихонова (редактор «Огней стройки», в начале 90-х жил в г. Александрове, был редактором городской газеты) избрали общественным редактором, корректором стал Евгений Гротов. Номер иллюстрировали фотографиями Бориса Линникова (работник химкомбината, сотрудник «Ленинского пути») и Ю. Орехова и рисунками Ю. Дорохова и Анатолия Косенюка. Участвовали в сборнике Геннадий Молчанов (приехал в город по путевке, работал в «Ленинском пути», позднее — в Министерстве химической промышленности), Юрий Аксаментов (один из основателей Усольского литературного объединения, журналист «Ленинского пути», позднее член СП СССР), Валентина Окладникова (позднее — профессиональный журналист), Владимир Горчаков (один из активнейших членов клуба), Аркадий Тягин (коренной усольчанин, также сотрудник «Ленинского пути»).

Полосы с рассказами и стихами набирали и печатали в городской типографии якобы для многотиражки «Огни

стройки». Обложка была отпечатана в Иркутской типографии №1 тиражом в 1000 экземпляров. С обложкой связан и «криминал»: в те времена, по свидетельству современников, даже пригласительные билеты на вечер в политехническом институте можно было отпечатать, только завизировав в так называемом «Обллите»(6). Обложка «Голубых городов» прошла визирование — и тот же номер был поставлен на весь сборник, как будто и он прошел цензуру! Собственный тираж сборника нигде не указан, но, по словам А. Харитонов, он составлял также 1000 экземпляров.

По просьбе И. Тихонова первый секретарь горкома комсомола Арнольд Харитонов написал для сборника вступительную статью «Рождается слово»: «Голубые города» — первая ласточка начинающих авторов. ...Строку Г. Молчанова «...и город начат. Осталось кончить» я бы поставил эпиграфом к первому выпуску. Ведь они — не только о городах. Они о всех добрых началах, которые ждут своего завершения, а оно будет, ох, каким нелегким». Харитонов особо упирал на то, что, если кому-то покажется построенное здание не очень красивым — так ведь и Киевская София не радовала глаз, пока была в лесах. Произведение, радующее читателя, хранит в себе не только следы его тяжелой, многодневной работы («рабочий день настоящего писателя гораздо длительнее, чем рабочий день строителя, токаря, ремесленника»), но и его литературный талант. Из характеристик, данных Харитоновым авторам, видно, что он знал и ценил их всех, хотя особое внимание уделил поэтам.

Итак, 40 страниц формата А4 под сине-белой обложкой. Расстановкой материалов и компоновкой на странице сборник очень напоминает лидера «романтического направления» — журнал «Юность». Фотография автора, несколько вступительных слов, автограф и — стихи, рассказы, отрывки из поэмы или повести.

Открывает сборник подборка стихов Геннадия Молчанова — о стройке, о романтике молодых городов и дальних путешествий («Космическое», «Причал»). Творчество Бориса Линникова и Анатолия Косенюка представлено рассказами о детях — по два от каждого автора. «Первый снег, первая песня, первая любовь — как хочется, чтобы они никогда не кончались» — с таким настроением писала свои стихи Валентина Окладникова. А вот Юрий Аксаментов (самый «маститый» из всех авторов сборника, на его счету были уже два сборника стихов), не менее романтичен, но не чужд и патриотической темы — стихотворения «Рихард Зорге», «Родине». Самое объемное произведение сборника — повесть Аркадия Тягина «Посол» из Бруклина». «Трюк предателя», «воззвание, состряпанное в подполье», «ненавистный заокеанский город Бруклин», жвачка, которую постоянно жует главный злодей, общий антирелигиозный пафос — образец популярной в те годы детективно-шпионской литературы(7). Лирическую поэму Евгения Гротова «Олия» Л. Юрьева охарактеризовала так: «Сложность, вычурность композиции затемнила и без того неясный смысл поэмы»(8). Рассказ Игоря Тихонова «Королева Виргинии» ею же охарактеризован как странный и заведомо вторичный: в нем рассказывается — еще один штамп советской пропаганды — о судьбе американского безработного. Разумеется, он мечтает стать миллионером и, разумеется, готов ради этого даже на преступление. Последний автор сборника, Владимир Горчаков (в момент выхода сборника служил в армии), представлен пятью короткими стихотворениями.

Вышедший в конце 1967 — начале 1968 года сборник — хотя и абсолютно нейтральный, ни в единой букве не антисоветский — произвел на власти неприятное впечатление. Его участников приглашали на беседы в комитеты комсомола и партии и в «органы» — ведь он не был санкционирован, он был эхом совсем других, «оттепельных» времен, но самым тяжелым наказанием стал выговор по партийной линии, вынесенный И. Тихонову. Больше таких вольностей усольчанам не позволяли.

Рукописный журнал «АРХИВАРИУС», издававшийся группой студентов филологического факультета Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова, был первым самиздатским проектом в Иркутске. В период с весны 1980 до весны 1982 года вышли не то 9, не то 8 номеров (точнее не может сейчас сказать даже редактор, автор многих материалов, переписчик и оформитель всех выпусков Игорь Юрьевич Подшивалов). Журнал был задуман как полигон для первых литературных опытов студентов филфака, но 70 сокурсниц Подшивалова не проявили к затее особого интереса. В издании некоторое время участвовал Игорь Перевалов, также студент-филолог (редактировал отдел поэзии, писал стихи и рассказы), еще пять-шесть студентов принесли для публикации свои творения.

«АРХИВАРИУС» представлял собой несколько листов формата А4(9), скрепленных скрепками или проволокой. Обложку делали из картона, несколько раз журнал был украшен акварельными иллюстрациями.

Поскольку все номера вышли в единственном экземпляре, нет ничего удивительного в том, что редакция благополучно их растеряла, и на сегодня сохранились лишь два номера, лишившиеся за долгие годы обложек.

Следующее издание связано с деятельностью «Вампиловского книжного товарищества» — группы студентов,

объединившихся осенью 1980 года вокруг Бориса Черных(10) для совместного изучения литературы, обсуждения собственных произведений и т.д. — «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕТРАДИ». Члены Товарищества в короткое время подготовили значительное количество докладов, рефератов, сообщений(11); был проведен семинар по творчеству Достоевского. Самиздат — в виде переписанных от руки или перепечатанных на машинке редких и запрещенных книг — был хорошо знаком «аполитичным» студентам и уж тем более их лидеру. В конце концов у кого-то появилась идея издать собственные труды. В «Предуведомлении» к №1 «Литературных тетрадей» написано: «Издание... — дело побочное, не сопутствующее главным заботам Вампиловского Книжного товарищества», но нет никаких сомнений, что оно осталось в «памяти народной» благодаря альманаху. Первый номер вышел в апреле 1981 года, до своего разгрома в 1982—м «Товарищество» успело выпустить около 40 экземпляров трех номеров и это один из самых больших тиражей, достигнутых иркутскими самиздатчиками в доксероксную эпоху. Журнал распространялся среди авторов и знакомых. Издание было машинописным, объем достигал 160 страниц книжного формата, переплетенных в самодельную картонную обложку. Основную работу по перепечатке и редактированию выполнял Борис Черных (хотя в самом альманахе указано, что ответственным за выпуск — а во втором номере и того более: «ответственным редактором» — назначен И.А. Арефьев).

С самого начала в издании была проработанная система рубрик. Первый номер в рубрике «Философия, история, литература» открывала статья А. Черных «К вопросу об этике деятельного человека», написанная им по сообщению на студенческой конференции. «Хроника культурной жизни» представлена статьей Юлии Пушкиной «Моцарт в польском костеле»: обширные цитаты из писем и стихов А. Пушкина, приятное впечатление от игры на фортепиано В. Соколова и неприятие режиссерского выбора актера на роль Моцарта — Олег Мокшанов талантлив, но слишком молод. Рубрику «Наши публикации» начали статьей Д.С. Мережковского «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» — огромная, тяжеловесная статья, перепечатанная из книги дореволюционного еще издания. Напротив, собственные труды членов Товарищества (в рубрике «Мы читаем») невелики по объему, но именно в них и содержались самые опасные и крамольные высказывания. Игорь Арефьев, рассказывая о книге В. Катаева «Уже написан Вертер», пишет о «чекистских застенках» (хотя и оговаривается, что так получается по Катаеву), о массовых расстрелах и о том, что эта книга — «предостережение вершителям судеб современного мира». Г. Григорьев старательно переписал план воспитания цесаревича Александра, составленный В. Жуковским по поручению Николая I. Анонс о выходе нового издания «Опытов» Монтеня написан в соавторстве А. Игоревым и Л. Висковской.

В альманахе не упоминается слово «экология», но заметка Я. Лидзинского «Спасти Венецию» о повести Н. Сальваджо «Затопленная площадь» — именно об этих, малопонятных тогда проблемах. Трудно сказать, знали ли члены Товарищества о проблемах озера Байкал, но силы, враждебные природе — «косность людская, почти необратимый ход промышленного развития» — едины для всего мира. Заметка о любимом романсе Александра Вампилова, который сам драматург считал безымянным, подписана «Н. Алексеева». Но кто еще мог знать такие подробности о его жизни, как не друг Вампилова Борис Черных? Возможно, им же написана рецензия на книгу Э. Казакевича «Звезда» (под псевдонимом «М. Портной» — одна из книг Черных называется «Маленький портной»). Единственная в номере заметка, посвященная иркутским авторам — рецензия Н. Сенотрусова на книгу А. Кобенкова «Я однажды лежал на зеленой траве».

Дальше — больше. Во втором выпуске, вышедшем в том же году, Михаил Сибирцев (в статье «Свойства провинциального мировосприятия») пишет уже о смыкании представителей крайне левого революционно-прогрессистского и крайне правого консервативного самобытничества в отрицании «высших нравственных ценностей» и утверждении «Диктатуры» и «Самодержавия». Левые — по сути предшественники и попутчики большевиков, да и сами они — названы представителями «антинациональной реновации». Вся статья написана с позиций, которые можно назвать прото-националистическими, что подтверждается противопоставлением провинции, сохранившей уклад и веру предков столицам, воспринявшим от иных народов видимость западной культуры, оторвавшимся от корней. О том же говорит и цитирование дореволюционных философов славянофильского и националистического направления. Удивительны глубокие познания в этой сфере у советского по происхождению человека. Впрочем, не менее удивительно и знакомство следующего автора с поэзией американского поэта Уильяма Джея Смита, посетившего Иркутск и выступавшего перед студентами университета и института иностранных языков. Казалось бы, что можно найти в поэзии прошедшего все фильтры идеологических служб, переведенного Вознесенским и опубликованного в СССР индейца из племени чероки Смита? Но даже здесь Ник. Сенотрусов нашел слова, чтобы продемонстрировать неприятие окружающего мира: в стихах он видит желание уйти от современников в одиночество, где только и должен творить поэт и высказывает сожаление: «Жаль, что седовласый чалдон с Миссисипи читает лекции в Московском университете и чуждается забираться в аудитории к чалдонам с Ангары».

Еще один шаг на том пути, который позднее привел многих, начинавших так же, как вампиловцы (да и некоторых вампиловцев), в ряды национал–патриотических организаций, был сделан перепечаткой «Слова о полку Игореве» (пер. И. Шкляревского(12)). Возможно, и подробные «Размышления о пьесе Пьера Корнеля «Сид» С. Лукиных (в рубрике «Мы читаем») следует рассматривать в этом контексте. Круг чтения членов Товарищества широк, но иногда странен. Так, сразу после средневекового драматурга Корнеля разбирают творчество современника Самойлова (стихотворение «Пестель, поэт и Анна»), рецензируют книги — Егора Яковлева о Ленине, Ю. Короткова о Писареве (из серии «Жизнь замечательных идей») — символический жест: самиздатчики XX века о самиздатчике века XIX. Резкой критике подверглась книга университетского преподавателя Л. Ермолинского о декабристе Луине. И снова в глубокую древность — аннотация книги Диогена Лаэртского о греческих философах.

Самая, пожалуй, интересная часть этого выпуска — рубрика «Из редакционной почты». Л. Евгенина сделала выговор Ник. Сенотрусову за напрасную критику в адрес А. Кобенкова, «ибо он настоящий поэт Провинции. А Провинция высшего качества всегда избегала пошлости, заигрывания с людьми». Не менее жестко обошелся с «вампиловцами» и Б. Тумуров(13), который посетовал в частности, на недостаток воспоминаний о Вампилове и беспощадно раскритиковал стихи В. Евгенина. Совсем уж феноменальная заметка, подписанная «А. Матвиенко» упрекает А. Кобенкова не просто в том, что он плохой поэт, но в том, что он потерял связь с родной почвой и потому просто не может быть хорошим поэтом. «Да, так и есть, Кобенков именно витает над грешной землей, он не догадывается, что это — не Атлантида какая–то, а русская земля. (...) А нынче развелось поэтов без роду и племени: Роберт Рождественский, Андрей Дементьев и т.д. Приметами городского быта, урбанистического, интернационального, в общем никакого, они пытаются создать иллюзию всамделишности своих стихов. Но не имея под ногами почвы, они и к общечеловеческим болям подступиться не способны. Похожая болезнь у нас и в прозе. Основы настоящие (почвы и веры) забыты или потеряны, взамен предлагается гносеологический суррогат (сознание); поэтому цветет ядовитым цветом рассуждающая никчемность без божества, следовательно, без мировоззрения». Вероятно, автором этой небезобидной заметки также был А. Панов, самый политизированный член Товарищества, сделавший, в частности, доклады о масонстве и сибирском областничестве.

Интересна и небольшая заметка «Нестранные странности» Е. Михайлович. О том, что это всего лишь ответ на статью И. Арефьева в предыдущем номере читатель узнает лишь в самом конце, когда уже пребывает в легком шоке от авторской позиции: помимо литературы общепризнанной существует литература «странная» — «Зависть» Олеси, «Мастер и Маргарита» Булгакова, проза Аксенова. В бесконфликтное советское время «вампиловцы» имели смелость говорить о том, что «Зойкина квартира» «снята с репетиций в студии Е. Вахтангова — искажает–де действительность», а с прозой Аксенова трудно будет встретиться в ближайшие годы — как раз в 1982 г. Аксенов уехал в США. «Странная литература, — констатирует Е. Михайлович, — это не что иное, как литература непонятая». Более того, он упрекает современников в том, что скоро им, не привыкшим делать усилия, и букварь покажется странным.

При таком содержании издание «Тетрадей» не могло не стать одним из пунктов обвинительного приговора по делу Б. Черных. Он получил по ст. 1901 УК РСФСР пять лет лагерей и три года ссылки. Те, кто старательно уничтожал (физически, путем сожжения) книги, имевшие отношение к «Товариществу» (в том числе и сочинения педагога Януша Корчака) упустили некоторое количество экземпляров, хранящихся ныне у Геннадия Хороших, председателя Комиссии по правам человека при губернаторе Иркутской области. Хороших, личный друг Черных, сделал многое, чтобы деятельность «вампиловцев» не была забыта: им написаны несколько статей, опубликованных в разных изданиях(14). Машинописный оригинал книги Черных «История одного колхоза» спасли от «литературоведов в штатском» иркутяне С. и Э. Василюки, копию — Е.Н. Краевская–Котляр. В середине 70–х Черных пытался опубликовать книгу в журнале «Наш современник», но редакция отказалась, а читавшие ее Ю. Черниченко, Д. Сергеев и др. рекомендовали спрятать книгу(15).

Судьба Товарищества произвела большое впечатление на многих студентов университета. Возникший в 1983 году на филфаке журнал «Свеча» планировался как продолжатель дела Товарищества. Один из выпускников исторического факультета написал несколько лет спустя стихотворение, в котором были такие строки:

И хлещешь водку в келье институтской,

Пытаясь разобраться сам в себе.

А «Общество Вампилова» в Иркутске

Таскают на допросы в КГБ.

Во Всеобщей декларации прав человека статья 19 предусматривает «право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Если исходить из того, что этот документ был принят с участием СССР, и его исполнение было обязательно для всех государственных учреждений, то закон нарушили не самиздатчики, а те, кто их преследовал. Жестокость расправы была совершенно непонятна участникам Товарищества ни тогда, ни — судя по их воспоминаниям — сейчас. Правду, разумеется, знают сотрудники КГБ, мы же можем делать предположения. Весьма вероятно, что иркутским «чекистам» создавали «рабочий настрой» московские начальники, которые вот только что, в 1979 году, имели печальный опыт борьбы с таким же откровенно неподпольным и при этом абсолютно несоветским альманахом «Метрополь». Тогда дело закончилось исключением двух участников (Ерофеева и Попова) из Союза писателей, эмиграцией Василия Аксенова, добровольным выходом из СП СССР еще нескольких участников(16), но главное — были сделаны «оргвыводы».

Возможно, сыграла свою роль и начатая новым Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым очередная кампания по укреплению в стране дисциплины и борьбе с инакомыслием. Малейшие такие проявления подавлялись самым беспощадным образом, благо схема изготовления дел по ст. 1901 (каравшей за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), 70-й и даже «расстрельной» 64-й (измена Родине) УК, была отработана.

В Иркутске по 1901-й статье, и именно за самиздат, был осужден 26 августа 1983 года Сергей Боровский, в то время работавший механиком рефрижераторной секции на станции Иркутск-сортировочный. В тексте приговора записано буквально следующее: «В августе–ноябре 1982 года Боровский (...) изготовил машинописный текст «Политические принципы либеральных демократов», в котором проводил мысль об антинародной сущности социалистического государства, заведомо ложно утверждал, что КПСС и Советское государство проводят политику «варварского шовинизма» против инакомыслящих, что в нашей стране «инспирируются» уголовные дела, допускаются злоупотребления в области психиатрии.

В период июля–августа 1982 года в г. Иркутске и в августе–ноябре того же года в поездке по указанному выше маршруту изготовил машинописный текст без названия, начинающийся словами «Вот говорят: антимир, антимир...».

Такие «философские» тексты в определенные моменты составляли значительную часть самиздата. Необходимое условие, без которого даже советскому суду трудно было осудить инакомыслящего: распространение. Боровский по каким–то причинам совершенно не скрывал свои взгляды, в приговоре перечислено десятка полтора фамилий его собеседников и тех, кому он давал читать свои трактаты. Все эти люди потом пошли по делу свидетелями. На суде Боровский признал, что именно он является автором этих текстов, но категорически отрицал утверждения суда о лживом и клеветническом характере своих сочинений. Суд оценил упрямство подсудимого в два года лишения свободы в исправительно–трудовой колонии общего режима. Должного эффекта на осужденного это не произвело, и с началом перестройки он снова включился в общественно–политическую жизнь.

Первый номер альманаха «СВЕЧА» вышел в декабре 1983 года («подписано к выходу 30.11.83»), а подготовка началась еще в апреле, сразу после суда над «вампиловцами». Инициатива исходила от кружка студентов, слышавших отдаленный «звон» об «Архивариусе», но даже не державших в руках ни одного номера. Это начинание было поддержано Подшиваловым и Переваловым. Активными участниками проекта были В. Симиненко (позднее — генеральный директор ООО «СМ — Номер один»), П. Мигалев (в то время — студент второго курса, сейчас сотрудник газеты «СМ — Номер один»), С. Нечаев, И. Черток, Е. Веселкова (редактор «Что Почем — Свежая»). Сохранились по одному экземпляру №№1 и 2.

Название было взято из песни А. Макаревича. В первом же номере обращение к читателям начинается дерзкими словами: «Вы держите в руках первый номер очередного самиздатовского альманаха. Подобные издания получили в наше время широкое распространение. ...Наша главная задача — объединить литературные силы нашего факультета». Пять экземпляров (столько брала за одну закладку купленная в складчину пишущая машинка(17) первого номера, перепечатанные Еленой Веселковой, были поделены между преподавателями филфака, выразившими недоумение по поводу этой неуместной смелости. Негативно было оценено и то, что материалы подписывались псевдонимами.

Содержание №1:

Обращение к читателям.

ПОЭЗИЯ

Игорь Перевалов «Наедине с судьбой».

ПРОЗА

Семен Маренин «Краткое жизнеописание».

Михаил Дронов «Картинки осени».

ПОЭЗИЯ

Егор Карымский «С чужого голоса».

СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО

И. Черный «На пороге вечности».

ДАВАЙТЕ УЛЫБНЕМСЯ

Игорь Перевалов «Совсем коротко. Стихи».

Н. Брюнет, Бели–Бердинова «Пародии».

С. Маренин «Мой младший брат».

Н. Брюнет «Улыбки судьбы».

Сомнительным с точки зрения господствующей идеологии был рассказ о Кропоткине, в котором упоминается встреча мятежного князя с Махно. Весьма вызывающим было стихотворение Егора Карымского «В трамвае»:

А читали, к примеру, вы в «Правде» статью:

Как не стало с поляками сладу

«Солидарность» там наши прижали к ногтю

Ну и правильно, так ей и надо.

Я, минуя их всех, непосредственно к вам

Обращаюсь, товарищ Андропов.

Чтобы вы, с вами Рейган, китайский премьер

(Как зовут там его, не упомяну)

Собрались. На троих. По сто семьдесят грамм.

В этом деле привычные все мы.

Ну, набили друг друга чуток по мордам:

Вот и все мировые проблемы...

В том же духе и шутка Игоря Перевалова: «Мы пойдем своим путем!» — сказал паровоз и сошел с рельсов». А ведь любой советский школьник знал, кто первым пошел другим путем.

Редакция словно не хотела понимать, что напрашивается на неприятности. Второй номер вышел уже как журнал литературного объединения (а в Советском Союзе со сталинских времен не было ничего хуже группы) через две недели после первого тиражом три экземпляра. Были созданы отделы: прозы (Подшивалов И.Ю.), поэзии (Перевалов И.О.), критики (Дронов М.Ю.), сатиры и юмора (Нечаев С.Т.), писем (Веселкова Е. — отдел не получил ни одного письма).

Во вступлении редакция извинилась за низкое качество первого номера и обещала обращать больше внимания на стилистику публикуемого. В рубрике «Наш календарь» — неподписанная статья к третьей

годовщине со дня смерти Джона Леннона и несколько его стихотворений, перепечатанных из журнала «Иностранная литература». Стихи и рассказы (С. Маренин «Пальто», П. Васильев «Притча», М. Дронов «Нерешенные проблемы», сценарий Р. Адраняна «Человек пропал») действительно более аккуратны и не столь вызывающи, как в номере первом. Но опять — завершается номер большими рассказами И. Черного о русских участниках Парижской Коммуны и Бакунине, звучат непопулярные среди советских историков имена. Видно было, что это уже не студенческая работа, это именно попытка распространения неких взглядов, целенаправленное действие. Недаром и в журнале эти материалы стоят особняком. И в то же время — заметна спешка, в которой готовился номер: эссе Подшивалова перепечатаны из «Архивариуса», материалы о Ленноне — из официального издания, 12 страница в сохранившемся экземпляре отсутствует...

Третий — и последний — номер вышел в начале марта 1984 года. Примечательный факт: в первый номер были включены все принесенные материалы; для второго номера отбирали только то, что прошло через обсуждение в редакции (высказывались пожелания по исправлению недостатков и — как правило, — эти поправки принимались); третий номер редактировал уже лично Подшивалов.

Это было связано и с тем, что вокруг альманаха сгущались тучи, и с тем, что Подшивалов готовил дипломную работу, а у остальных близилась сессия. В марте к журналу были приставлены кураторы из числа преподавателей, а в апреле декан факультета сообщила Подшивалову, что изданием интересуется КГБ. Несколько бывших сотрудников были лишены стипендий «за несдачу Ленинского зачета», а Подшивалову защиту перенесли на осень. 1 июля в «Восточно-сибирской правде» было опубликовано выступление полковника КГБ Лапина, осудившего позицию деканата и партбюро филфака, допустивших создание трех номеров «Свечи». После военных сборов — откуда Подшивалов вернулся со стандартной характеристикой «делу КПСС и советского правительства предан. Политику партии понимает верно» — декан заявила, что защиты осенью не будет, ее перенесут на следующее лето, а осенью Подшивалова призовут в армию. По совету юрисконсульта редактор злосчастной «Свечи» пошел в КГБ и в разговоре с куратором университета выяснил, что сотрудникам КГБ не чуждо общее советское разгильдяйство: капитан написал заключение об антисоветском характере альманаха, не читая ни одного рассказа, ни одного эссе или стихотворения. Компенсируя нанесенный ущерб, куратор оказал некоторое давление на университет и после личного вмешательства ректора Подшивалов защитился 30 октября 1984 года... История имела продолжение в виде допросов сотрудниками особого отдела Владимира Симиненко во время его службы в армии. Интересную версию происшедших на факультете событий изложил Михаил Дронов: «Теперь, полтора десятка лет спустя, понятно, что большинство этих милых и абсолютно беззащитных людей — наших преподавателей — втайне нам сочувствовало. И, стремясь сделать последствия скандала минимальными, они тихо саботировали желание парткома устроить громкий «политический процесс».

Так вот, преподаватели — филологи и журналисты — явно вступили в молчаливый сговор и тихо потопили скандал в пустопорожней болтовне, преподав нам урок не только совкового конформизма, но и нормальной науки выживания. (Можно представить, какая экзекуция ожидала бы гнездо талантов — филфак, решишь они публично вступить за «свободу слова». И это при том, что наверняка у каждого дома на дальней полке был припрятан новомировский «Один день Ивана Денисовича»...) В общем, все ограничилось публичной поркой. Последствий не было».

В 1990 году полковник КГБ Ю. Гуртовой сказал в интервью: «Когда можно было избежать привлечения к ответственности, мы избегали. Многих из тех, кто читал Солженицына, мы даже не профилактировали, хотя знали об этих людях». Казалось бы, это подтверждает предположения Дронова, но вот дальше Гуртовой говорит: «Мы предоставляли информацию не для того, чтобы карать, а чтобы обратить внимание. Но система была карательной, и администрация шла по привычному пути... Лучше выкинуть, и пусть живет как хочет. Мы всегда были против таких мер, так как знали, что они окончательно толкнут человека в лагерь оппозиционеров» (18). То есть КГБ в отдельных случаях не снисходил до таких «мелочей» как собственноручная расправа с инакомыслящим. Но, передав его судьбу в руки деканата или особого отдела воинской части, комитет продолжал следить за человеком еще долгие годы и оставлял в покое только в том случае, если человек полностью отходил от общественной деятельности.

Есть свидетельства, что вскоре после «разгрома» «Свечи» студент-первокурсник Широглазов (сейчас живет и работает в городе Череповце) предпринял попытку продолжить дело самиздата в новых условиях подозрительности и повышенной готовности администрации к скорейшему подавлению всех самостоятельных инициатив. Журнал выходил в условиях строжайшей конспирации, тиражом один экземпляр и назывался «ПОДСВЕЧНИК». Эпиграфом ко всему изданию стала фраза: «СВЕЧА» сгорела потому, что не было подсвечника».

Восстановление истории самиздата связано — мягко говоря — с большими трудностями. Ограниченный

тираж, преследования, плохое качество печати и бумаги — все это не способствует сохранности артефактов. Но если периодический самиздат оставлял какие-то яркие следы в памяти современников, то самодельные книги воспринимались скорее как данность. Ну, хранится у вас самодельный сборник Высоцкого, машинописный Булгаков, рукописный Солженицын или ксерокопированный Бунин — так ведь у многих, даже никак не связанных с диссидентами людей было что-то такое. И пока не пришли с обыском, волноваться не о чем. Со временем эти книги — так же, как и обычные — терялись, приходили в негодность и выяснять, что именно было, как попадало в руки и ходило ли по рукам друзей и знакомых, становится все трудней. Но случаются и исключения: «Больше двадцати лет назад, копаясь в архивах научной библиотеки Иркутского университета, автор этих строк нашел книгу, которая была издана в 1906 году, и, судя по неразрезанным страницам, ее до сих пор никто не читал. Почти восемьдесят лет она пролежала в так называемом «редком фонде». Воспользовавшись неосведомленностью библиотекаря, (...) я выписал этот раритет в читальный зал и подробно его законспектировал. Еще через пару лет мне на сутки удалось стащить эту книгу из библиотеки и снять по великому благу ксерокопию — доступ к ксероксам тогда имели немногие. С тех пор я являлся единственным владельцем этого труда — по крайней мере в Сибири. Подлинник, скорее всего, погиб в хранилищах иркутского Белого дома, которые правильнее было бы назвать книгокладбищем»(19). Это написано о книге П. Эльцбахера «Сущность анархизма»; известно, что И. Подшивалову удалось найти и скопировать сборник статей Б. Таккера «Вместо книги». В конце 80-х в Социалистическом клубе с использованием этих уникальных книг был прочитан цикл лекций по истории анархических учений.

Еще больше сложностей с листовками. Хранение книги еще можно как-то оправдать, сказать, что еще не читал, а листовка — это опасность в чистом виде. Как правило, группа или отдельный человек, решившийся написать и распространить листовку, прекрасно знали, на что идут и, если уж писали, то самое наболевшее(20). Поэтому все, что осталось от листовок начала 80-х, хранится сейчас где-нибудь в государственных архивах и вряд ли станет объектом изучения.

По непроверенным сведениям, в 1982–83 годах сержант милиции И.М. Фодченко писал и раскладывал в почтовые ящики рукописные листовки, в которых критиковал советских политических лидеров и всю систему в целом. Позже, уже во времена перестройки, для большего эффекта он перешел на надписи на стенах (например, «Горбачев — самозванец»), а после увольнения из милиции снова писал и раскладывал листовки. В марте 1988 года он был вызван в КГБ на беседу, а в январе 1989 года на него завели уголовное дело. С 21 марта по 24 апреля он находился в психиатрической больнице на обследовании, а потом ему неожиданно объявили о прекращении дела — ст. 1901 УК отменили, а переквалифицировать дело на новую 11.1 следователь не стала(21).

В отличие от коллектива «Свечи», группа, возникшая в 1985 году на историческом факультете, абсолютно ничего не знала о судьбе Вампиловского книжного товарищества, и более того — никто из членов организации не читал самиздат. Студенты-первокурсники М. Кулехов, С. Пучков и В. Иванов, прочитав вдумчиво несколько работ Маркса, пришли к выводу, что существующий в СССР строй не что иное, как «азиатский способ производства». Организацию они назвали Марксистский Рабочий Союз, написали Устав и Программу. Для привлечения сторонников решили вести агитацию — написали (трафаретом на ватманском листе!) плакат и вывесили на улице, потом — отпечатали на машинке 10 экземпляров листовки и 14 декабря 1985 года расклеили по городу. Примечательно, что листовка на этаже филфака (где вот только год назад отгремело дело «Свечи») провисела дольше всего — больше месяца! А в ней содержался призыв бороться с советской системой, которая никаким социализмом не является.

Трудно сказать, сумел бы КГБ вычислить «марксистов» по купленной в комиссионке машинке, но подвело тщеславие: на встрече с первым секретарем обкома КПСС Потаповым С. Пучков написал записку — что вам известно о МРС? По почерку его нашли на второй день, но... все обошлось вынесением всем членам Союза в июне 1986 года официального предупреждения КГБ, снятого в 1990 году,(22) и исключением из университета.

Неформальная пресса

К декабрю 1986 года ситуация в стране изменилась настолько, что политзаключенные готовы были пойти на смертельную сухую голодовку, но не выполнять требования режима, а «на воле» биография, в которой имелись судимости по «политическим» статьям УК, оценивалась как героическая. Неприязнь к Советской власти и КПСС высказывалась откровенно и непринужденно, число неформальных общественно-политических объединений достигло трехзначных значений, пиетет по отношению к «органам» еще сохранялся, но леденящего ужаса уже не было. Особенно резко выросла общественная активность в период подготовки к XIX партконференции. Событие это было неординарное: предыдущая прошла еще при Сталине, а по своему статусу партконференция лишь немного уступала съезду. Все понимали, что выборы делегатов

будут репетицией выборов народных депутатов СССР, а от решений конференции зависит поведение единственной на тот момент легальной политической партии. Поэтому во многих городах обсуждение кандидатур делегатов превратилось в настоящие бои между властью и всеми мало-мальски активными свободомыслящими людьми. Именно во время собраний и митингов, посвященных формально обсуждению кандидатур, были созданы многие объединения, в название которых входило словосочетание «...в поддержку перестройки».

Изменился и характер самиздата. Если раньше это были в основном увесистые альманахи, переписанные от руки книги воспоминаний, прозы, стихов, то теперь ситуация менялась так быстро и так резко, что новости стали важнее теоретических рассуждений. Более того: создавалось впечатление, что общественные движения могут реально влиять на поведение властей, на общественное мнение и тем самым — на ситуацию в стране. Оперативные, недорогие и информированные издания стали насущной необходимостью для каждой уважающей себя неформальной группы. Весьма важен был и фактор связи с родственными организациями в других городах, координация действий, взаимовыручка. После создания всесоюзных федераций неформальных групп и возрождения в стране многопартийности самиздатская периодика (а официальная очень долго не пускала на свои страницы новых социал-демократов, социалистов, анархистов, кадетов и прочих) стала полем для дискуссий, и, вполне по Ленину, коллективным агитатором и организатором. Известно несколько случаев, когда привезенные в город газеты и журналы становились поводом сначала для оживленных разговоров, а позже — и для создания собственного клуба, кружка, организации. Воспользовались ослаблением давления и музыкальные издания. Новые журналы появились почти одновременно от Владивостока до Таллинна во многих городах и поселках, где был хоть один меломан.

Разумеется, ни по каким параметрам (тиражам, качеству, цене, оперативности) самиздат не мог конкурировать с официальными газетами. Его преимуществами были новизна, смелость и оппозиционность. У самиздата была — если можно так выразиться — авансированная популярность. Ведь именно в самиздате — что бы там ни говорили о «партии, начавшей перестройку» — началось обсуждение межнациональных, экологических и социальных проблем. Самиздатские газеты и журналы раскрывали т.н. «белые пятна истории» до того, как на это решились государственные СМИ и архивы.

Активно работали в новых изданиях бывшие диссиденты, вышедшие из мест заключения во время знаменитой «помилровки» конца 1986 — начала 1987 года. Так наследницей известнейшей «Хроники текущих событий» в новых условиях стала — уже с 1 августа 1987 года — «Экспресс-хроника» (редактор — А. Подрабинек), сохранившая традиции информированности и высокого качества текстов.

Иногда в самиздате принимали участие люди, которые одновременно работали в официальных изданиях и они принесли в самиздат профессиональные методы сбора и обработки информации. В качестве примера можно привести сеть корпунктов газеты «Свободное слово» (партия Демократический Союз), информационное агентство «КАС-КОР» (создано активистами Конфедерации анархо-синдикалистов), Сибирское информационное агентство (СИБИА, г. Новосибирск). Известны случаи, когда из самиздата уходили в официальную прессу целыми коллективами. Так, в августе 1991 года Московская организация КАС (сотрудники редакции журнала «Община») подготовила специальный выпуск газеты Московской Федерации Профсоюзов «Солидарность», а после ухода старого редактора костяк редакции составили анархисты. В Иркутске сотрудничество остепенившихся неформалов с газетами к началу 90-х было в порядке вещей — причем почти для каждого направления нашлись сторонники в официальной прессе. Но большинство «новых журналистов» были, конечно, люди, далекие от любых СМИ. Среди них были студенты, рабочие, сотрудники многочисленных НИИ, военные, даже школьники. Самиздат быстро стал массовым явлением.

Преследования за самиздат не прекратились, но за него, по крайней мере, перестали сажать, «политические» статьи УК были отменены. В 1987 году покатила волна антисамиздатских публикаций в газетах. Задерживали распространителей, изымали тиражи, налагали штрафы и выносили предупреждения «за торговлю в неустановленном месте» (с такой формулировкой задерживали даже тех, у кого в сумке находили по одному экземпляру разных изданий!), но все это можно было перетерпеть и обойти. Появилась возможность влиять на поведение сотрудников МВД, прокуратуры и других органов. После нескольких публикаций в самиздате и демократических газетах даже административная комиссия отказывалась рассматривать дела о торговле самиздатом, а изъятое сотрудниками милиции (в Иркутске прославился упорной борьбой с крамолой сотрудник Кировского РОВД капитан Большедворский) возвращали распространителям.

Изменилось качество читателей самиздата — он стал доступен не группе избранных, узкому кругу доверенных друзей и единомышленников, но абсолютно всем. Всего за несколько рублей в далеком от столиц Иркутске (на площади перед торговым комплексом, на ул. Урицкого, на любом митинге) можно было приобрести газеты

и журналы пяти–шести направлений(23), в том числе и местные издания. Сообщения из Иркутска в «центральной» самиздате и адреса иркутян в т.н. «рассылках» скорее редкость(24). И, напротив — в город стабильно доставляли издания армянского, крымско–татарского, белорусского, эстонского, латвийского, литовского и русского национальных движений; газеты и документы народных фронтов, федераций неформальных групп (ФСОК), партий ДС, СДА (СДПР), КДП, анархистских организаций и групп всех возможных оттенков и направлений; документы, информационные бюллетени и газеты независимых профсоюзов (СОЦПРОФ, СУМ и др.) и забастовочных комитетов (например, газета «Бастующий Тирасполь»), региональные независимые издания («Сибирский курьер», г. Новосибирск, «Томская трибуна», «Голос труда», г. Томск). Отдельного разговора заслуживает ассортимент объединения «Верность» — они продавали не только газеты и журналы, но и фотопортреты последнего царя и его семьи, и даже копии дореволюционных боевых наград. Даже в таком провинциальном городе, как Байкальск активист Независимого рабочего союза, член КАС и АКРС Игорь Анкудинов ухитрился в одиночку распространять самиздат(25).

В течение двух–трех лет технология изготовления периодического самиздата эволюционировала от привычной «машинопись–ксерокс» до полноценных типографских газет и журналов тиражом в десятки тысяч экземпляров. Лучшие по качеству газеты делали в республиках Прибалтики, но это уже несколько другое — история зарождения в стране альтернативной печати. Традиционный самиздат, выпускавшийся на энтузиазме создателей, без спонсорской помощи или коммерческой прибыли просуществовал ровно до начала «шоковой терапии».

В Иркутске существовало несколько общественно–политических объединений, среди которых не последнюю роль играл «Социалистический клуб». В июне–июле 1988 года эта группа подготовила №1(4) новой «СВЕЧИ». Надо заметить, что иркутские самиздатчики вообще не страдают скромностью планов, но тут заявленной целью издания было ни много, ни мало — создание в Иркутске условий для объединения сторонников перестройки, для образования Демократического Союза. Как известно, в этом деле обошлись без «Свечи» и №2 вышел уже как орган печати Социалистического клуба. Редактором стал Подшивалов, техническим редактором — С. Позников. Всего вышло четыре номера обновленного журнала (три в 1988–м и один в 1989 году), объемом от 70 до 97 страниц А4. Все выпуски были одинаково оформлены: машинопись, проволочные скрепки, обложка из картонной папки для бумаг. Для №№2–4 сделали фотообложку и рисованные заставки каждой рубрики. Общий тираж журнала вряд ли возможно определить, так как его неоднократно копировали читатели. Несколько экземпляров всех номеров были изготовлены в конце октября 1990 года в редакции газеты «Панорама» (Москва). Надо учитывать, что и в 1988–1989 г. КГБ не оставлял «Свечу» без внимания и участие в подготовке, тиражировании и распространении журнала могло повлечь неприятные последствия. С другой стороны, когда на Подшивалова было заведено уголовное дело («оборона дома на ул. Фурье») совещание редакторов неформальных СМИ приняло резолюцию в его защиту, широко (вплоть до Франции) распространили информацию об этом деле в своих изданиях.

В «Свече» были опубликованы документы, подробно освещавшие историю «старого» альманаха; «дело» Павла Малых, исключенного некогда из Политехнического института за антисоветские высказывания, и текст приговора по делу Сергея Боровского. В трех номерах печаталась повесть Боровского «Столыпин» (редкое для самиздата явление — печатать произведение такого объема с продолжением), но эту затею не довели до конца. Некоторый объем отдавался под перепечатки из иногороднего самиздата (бюллетени «Община», «Гражданское достоинство», «Меркурий», «Демократическая оппозиция»). В широком спектре мнений от «поддержка линии КПСС на революционное обновление общества» до «свержение преступной власти путем организации кампании гражданского неповиновения» «Свеча» занимала позицию скорее просветительно–информационную. Форма журнала была промежуточной между альманахами «диссидентского» периода и более злободневными журналами конца 80–х.

Трудно даже сказать, что в содержании было хуже — выступления против временных правил проведения митингов или перепечатанные «Письма четвертому съезду советских писателей» и «Поминовения Твардовскому» Солженицына, отрывки из «Несвоевременных мыслей» Горького, «террористических» цитат из Ленина и стихов Джамбула о наркоте Ежове.

Отдельного разговора заслуживает номер 4. Убедившись, что неформалы становятся некоей силой и уж, во всяком случае, не собираются исчезать со сцены, власть попробовала бороться с ними с помощью провокаций. На листовку Социалистического клуба, посвященную выборам по 170 округу, ответили предупреждением прокуратуры, на следующую листовку неформалов — своей, подписанной «Коммунистический союз». Редакция «Свечи» воспроизвела тексты всех этих документов (листовки Соцклуба в подлиннике, листовки «КС» и СТК просто приклеены к странице) и описала обстоятельства их появления: «...листовка в виде большого плаката была вывешена у проходной авиазавода, и ее текст был зачитан по

заводскому радио. Плакат был подписан парткомом авиазавода, на митинге он, видимо, решил предстать неформальной организацией и назвался «Коммунистическим союзом». Еще одна антисоцклубовская листовка была подписана «Совет трудового коллектива авиазавода» и характеризовала неформалов как «кучку политических карьеристов».

Основанием для подобных заявлений была статья О. Баснина «Наследники фиаско», опубликованная 30 июля 1988 года в газете ОК КПСС «Восточно-сибирская правда». Полный текст статьи и возражения на нее Подшивалова (датированы 1 августа (!), переданы лично редактору, так и не опубликованы в «ВСП») производят впечатление «сеанса черной магии с полным ее разоблачением». О. Баснин, заместитель редактора газеты, написал детективную историю, в которой действуют законспирированные террористы, отважные сотрудники органов, политические авантюристы и романтические простаки. В ответе Подшивалова — секретные сотрудники МВД и КГБ, доносчики из числа неформалов и недобросовестные журналисты. Припомнили и 1983 год, когда «ВСП» опубликовала статью о Б.И. Черных «Лицо и маска клеветника», и 1987-ой, когда некоторые авторы выступали против Байкальского движения. В качестве приложения к этим материалам опубликованы заметки Подшивалова об аресте и допросе 13 июля 1988 года(26) и ...стихотворные отклики членов СК на «басни Баснина».

В этом же номере появляется «Хроника» — кратко, но ярко описаны увольнение И. Подшивалова с должности сторожа председателем кооператива «Лад», членом общества «Верность» А. Пановым (бывший участник Вампиловского товарищества)(27), учредительная конференция отделения общества «Мемориал», первый митинг ДС в Иркутске (12 марта 1989 г.). Но самое интересное — голодовка рабочего Василия Берсенева в г. Слюдянка. 16 ноября 1988 года Берсенев вышел к райкому партии, протестуя против самоуправства начальника депо Ю. Смирнова. К вечеру следующего дня решением профкома и СТК его требования были удовлетворены, но с 21 по 25 ноября Берсенев и его товарищи вели в здании райисполкома прием заявлений жителей Слюдянки. Эти документы, поддержанные на митинге, представители должны были отвезти в Москву. Поездка не состоялась, а заявления Берсенева передал в редакцию «Свечи». Этим уникальным документом и завершился журнал.

В 1989 году значительная часть Социалистического клуба вступила в Конфедерацию анархо-синдикалистов(28), в организации произошел раскол. Издание было прекращено не столько из-за недостатка кадров (в Социалистическом клубе была даже создана секция печати, которой заведовал Ф. Арсланов), сколько потому, что И. Подшивалов в то время работал в газете «Советская молодежь» и имел возможность писать все, что считал нужным. Газета даже перепечатывала отдельные материалы из самиздата (в частности, из журнала Московской организации Конфедерации анархо-синдикалистов «Община» и бюллетеня информационного центра «КАС-КОР»). Другие иркутяне-члены КАС публиковали свои статьи и письма в изданиях АКРС и КАС («Черное знамя», г. Ленинград; «Голос Труда», г. Томск).

Одним из активнейших участников Социалистического клуба был Юрий Семенович Ощепков. Этот человек с 1987 по март 1989 года выпускал у себя в институте стенд под названием «Курьер гласности», статьи для которого писал сам. Эта необычная форма самиздата принесла ему известность в кругах демократической общественности, но в то же время приносила и немало неприятностей с начальством(29).

В мае 1987 года в Иркутске было создано Общество (в некоторых справочниках и исследованиях — Движение) защиты Байкала. Помимо огромного числа митингов, пикетов и кампаний по сбору подписей против различных антиэкологических проектов Общество организовало и выпуск с сентября 1988 года собственного издания — «ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА ЗАЩИТЫ БАЙКАЛА». Надо заметить, что на начальном этапе через экологию — формально лишённую политической составляющей, но дающую возможность легально собираться и обсуждать злободневные проблемы — прошли практически все неформалы.

Редактором и постоянным автором «Вестника» стал Павел Малых, в то время инженер НИИ Химмаш, член Социалистического клуба (сам он предпочитает говорить — «Политклуба»), а чуть позже — лидер Иркутской организации партии Демократический Союз. «Вестник» печатали на пишущей машинке, затем тиражировали на ксероксе (за деньги, хотя копировальных центров тогда еще не было) и сшивали скрепками. Объем его достигал 30–40 стр. А4, некоторые материалы были снабжены фотоиллюстрациями. Судя по содержанию №4 (февраль 1989 года), «Вестник» все более и более политизировался, переходя от защиты Байкала (рубрика «Вести с Байкальского берега») к политическому противостоянию с властями.

«Хроника» на трех страницах полна сообщений о пикетах, митингах, учредительных конференциях, встречах неформалов со студентами и писателей-патриотов с читателями. Почти страницу занимают сообщения о «контактах» неформалов с «органами». Организаторов митингов и распространителей листовок вызывали тогда — ни много, ни мало — к прокурору области и к начальнику областного КГБ. Репортаж В. Прокопьева со

съезда ДС («Съезд оппозиционной партии») был, вероятно, первым доброжелательным материалом о партии в иркутской прессе. П. Пимштейн (сотрудник НИИхиммаша) осветил особенности предвыборной борьбы в Читинской области в коротких «Заметках». В соревновании генерала Ковтунова (командующий ЗабВО, член КПСС), гендиректора «Сосновгеологии» Литвинцева (член КПСС) и зав. патентного отдела Сибизмира СО АН СССР Тергоева (активист Байкальского Народного Фронта) решающее значение имел административный ресурс, и предложение выдвинуть кандидатами всех троих не прошло.

Далее несколько больших перепечаток: из «Бюллетеня ДС», отрывки из декретов СНК о заложниках и милитаризации производства. Завершается номер статьей П. Малых «Вот тебе, бабушка, и пенсия...», в которой он весьма убедительно демонстрирует действие механизма инфляции в условиях плановой экономики.

Поскольку редактор «Вестника» стал активистом ДС, сочетать защиту Байкала в рамках довольно вялого Общества с «подрывной» деятельностью стало невозможно. Шестой номер, вышедший в 1989 году под названием «Демократический вестник», стал последним.

Сибирское Информационное Агентство (СИБИА) было создано в 1989 году в Новосибирске как информационный комитет правозащитной ассоциации «Вена-89». Редактором изданий ассоциации был экономист по образованию, осужденный в свое время (на основании переписки!) на три года по той же 1901-й статье Алексей Мананников. Издаваемый им бюллетень был настолько точен, информирован и оперативен, доставлял столько неприятностей властям, что однажды, в июне 1989 года, готовый тираж был изъят, а на издателей завели уголовное дело. Скандал, поднятый общественностью, был так силен, что дело закрыли и тираж вернули — случай в истории неформального движения уникальный(30), обычно отпечатанные тиражи шли под нож.

В Иркутске корреспондентами агентства и издателями «Информационного бюллетеня Иркутского отделения СИБИА» стали Павел Малых, Виктор Прокопьев и Владимир Тирских. Началось издание со звонка Мананникова Прокопьеву (в то время он работал младшим научным сотрудником в Институте органической химии) с предложением обмениваться информацией о происходящих в их городах общественно-значимых событиях. Машинку и телефон (до распространения электронной почты — самое быстрое средство связи) предоставил Владимир Тирских, иногда звонили из переговорного пункта на Главпочтамте.

Все номера бюллетеня (№1 — 18 марта, №2 — 1 апреля, №3 — 19 апреля, №4 — 3 мая, №5 — июнь 1989 года) отпечатаны на пишущей машинке, объем выпусков незначительный (4–5 стр. А4). Тираж, отпечатанный собственно редакцией, достигал 50 экземпляров и, как правило, распространялся на митингах — его просто раздавали желающим. Людей, которые брали бюллетень, просили по возможности распространять информацию дальше, лучше всего — допечатывать хотя бы несколько экземпляров.

Вряд ли редакция бюллетеня сознавала, что работает в основном на историков. Областные газеты не интересовались агитационными мероприятиями Байкальского Народного Фронта. 25 марта 1989 года: «...работники милиции настояли на том, чтобы был убран плакат с фамилиями членов комитетов «Карабах» и «Крунк», находящимися в московских тюрьмах, а также было прекращено прослушивание магнитофонной записи речи Ельцина». Но и современников должен был заинтересовать такой яркий пример: «Затем начались слушания-диспут по анализу карательной системы нашего общества. ...Против КПСС и государственных картельных органов выступавшими был выдвинут ряд обвинений, охватывающих период со времени Гражданской войны до Указа ПВС от 8.04.89 г.(31) Было предложено высказать свою позицию присутствовавшим сотрудникам КГБ и заместителю редактора газеты «Восточно-сибирская правда» (известному своими критическими статьями, направленными против неформалов), но они отказались это сделать». Вместо этого Баснин 28 апреля опубликовал в своей газете статью «Бесовщина», в которой доказывал «обоснованность предупреждения И. Подшивалову о недопустимости противоправных действий, вынесенного областной прокуратурой за подозрение в подготовке террористического акта(32)». Неформалы оценили статью как тенденциозную и полную фактических неточностей. В таких дискуссиях и встречах КПСС и потеряла свою руководящую и направляющую роль.

Но самиздатский бюллетень был не только средством информации, он мог использоваться как оружие против «нарушений законности председателем Кировского райсуда Куклиным», которые он допустил, разбирая дело «обороны дома на ул. Фурье». Иркутские Политический и Социалистический клубы участвовали и в защите неформалов из других городов: 2 апреля была отправлена телеграмма прокурору г. Свердловска в защиту С. Кузнецова, на митингах принимались резолюции в защиту В. Новодворской, И. Царькова, А. Мананникова.

При редакции бюллетеня была создана библиотека самиздата, которая была доступна всем желающим. На 1

апреля 1989 года в ней хранились подшивки 18 периодических и 9 отдельных изданий: документы ДС и Народного Фронта Латвии, книги Аллилуевой, Солженицына, Конквеста и др.

В сентябре 1989 года при участии политклуба «Демократ» были изданы два номера журнала «Свободное общество» (5 стр., 50 экз. Редакция — П. Малых, Г. Дмитриев). Формально этот журнал был первым в Иркутске партийным органом ДС. По неподтвержденной информации, члены политклуба «Демократ» участвовали в издании «Информационного бюллетеня Иркутского отделения СПА «Вена-89». В редакцию бюллетеня входили Э. Назарова и М. Петрушенко, №1 вышел в сентябре 1989 года. Последний «самостоятельный» номер датирован февралем–апрелем 1990 года(33). Пятый номер бюллетеня вышел на страницах журнала «Тихвинская площадь» (№5, с. 36–37).

Главный орган Иркутской организации партии ДС «ТИХВИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ» издавался с января 1990 года (№1 — январь, №3 — март, №4 — апрель–май, №6 — без даты, после сентября; макет №2 исчез из типографии при загадочных обстоятельствах и, видимо, так и не был восстановлен). Это многотиражное детище иркутских самиздатчиков печаталось в Прибалтике, на т. н. «полиграфической базе издательства «Свободное слово», но даже при таких возможностях сохраняло машинописный набор, лишь изредка встречаются страницы, распечатанные на матричном принтере. Первый номер вышел с браком — некоторые страницы перевернуты вверх ногами, стр. 37 нет вовсе, зато последний, шестой номер, отпечатан двумя красками: черной и синей. Тираж, привозимый в Иркутск со значительным опозданием, достигал нескольких сотен экземпляров (на обложке стоит 3000). Объем — несмотря на формат А5 — был довольно значительным, до 40 стр. Ответственным редактором журнала стала Ирина Шишкина, постоянным автором партийного органа был и П. Малых. Другие члены редакции (Р. Карасев, А. Крутов, Е. Турчанинов) участвовали в подготовке 1–3 номеров.

В редакционной статье в №1 о главной задаче издания было написано следующее: «...нести читателям идеи различных направлений демократического движения...». Название журнал взял от центральной площади города, переименованной в сквер Кирова: «Наш журнал — издание иркутское, мы любим свой город... а возвращение исторических названий — неотъемлемая часть возрождения культуры».

Важной частью идеологии ДС было абсолютное неприятие «советского тоталитарного режима» и полное бесстрашие (членам ДС Устав партии запрещал эмиграцию как способ уйти от преследования властей). В первом же номере досталось двум областным газетам («Восточно-сибирской правде» и «Литературному Иркутску»), КГБ, обществу «Мемориал», журналу «Огонек», Кировскому РОВД г. Иркутска, администрации ЛТП-6 в пос. Плишкино и даже самому К. Марксу... В последующих номерах эти атаки усилились. Годовая отчетно-выборная конференция «Мемориала» 24 марта 1990 года была оценена как «Скучный фарс», а последний член группы «Стена», инициировавшей создание общества в городе, А. Антонов подал заявление о выходе из «Мемориала».

Хотя по сравнению с остальной страной Иркутск прошел через годы перестройки сравнительно спокойно, без крупных столкновений неформалов с властями, без избиений, применения спецсредств, был все-таки один «политзаключенный» — за выступление на митинге 22 апреля П. Малых получил 15 суток. Такое событие не могло пройти незамеченным и в №4 он описал тюремные будни 1990 года в небольшой статье «Зарисовки с натуры».

Сотрудники редакции не боялись не только противостоять властям, но и задели гордость Иркутска — Валентина Распутина. Ему была посвящена большая критическая статья А. Крутова в №6. Распутину вменялись в вину неучастие в деле спасения реки Иркут от водовода БЦБК, неграмотность в медицине и орнитологии, смешение идеологических ориентиров в газете «Литературный Иркутск»(34) (лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» над ликами святых), прямые симпатии к дореволюционным черносотенцам и многое, многое другое...

Из номера в номер продолжалась публикация «Этюд о гражданской войне» историка А. Крутова (в то время — член совета Иркутского клуба гражданских инициатив, секретарь комсомольской организации СЭИ СО АН СССР, отдельные главы из этой работы в виде полулистовок-полуброшюр ДСовцы раздавали на митингах). Однажды Крутов попробовал напечатать часть своего труда в газете «Советская молодежь». Газета, только что объявившая о полном освобождении от всякой цензуры, вырезала столько, что редакция журнала сочла нужным напечатать полный текст главы, подчеркнув вырезанное и воспроизвела два абзаца, которых не было в рукописи. Так «неформалы» продемонстрировали читателям работу «внутреннего цензора» редактора газеты.

В рубриках «Услышь слова мои...» и «Право на бесправие» напечатаны воспоминания репрессированных (Е.

Иноземцевой, Б. Баданина); воспоминания И. Шера «Основной закон» — о том, как проходило «всенародное обсуждение» новой Конституции в 1977 году(35). Постоянные рубрики дополняли перепечатками (отрывки из книг А. Зиновьева «Горбачевизм» в №№5–6, А. Авторханова «От Андропова к Горбачеву» в №№1–4, статья В. Рыбакова «Интеллигенция и перестройка» из журнала «Посев» и «Делом московских социалистов» из журнала С. Григорьянца «Гласность») и опусами иркутских литераторов (В. Диксон «Горькие хлебы предложения, или Не однажды в день седьмой...», №5). Важной частью работы издания была хроника общественного движения в изложении Пресс-центра ДС.

«Тихвинская площадь» — единственный источник, в котором можно найти упоминание об Анархо-демократическом объединении молодежи. Активистами были школьники из Нижнеудинска И. Работкин, С. Лукин, Е. Захаркин, Воловиченко и др, учащиеся специализированного лицея при ИГУ и школы №2; в работе учредительной конференции участвовали представители из Чуны, Иркутска, Усолья–Сибирского, Черемхово. «Тихвинскую площадь» все лето и осень 1990 года успешно продавали вместе с другим самиздатом на улице Урицкого (по воспоминаниям Малых, 80 коп. с рубля шло на тиражирование, 10 коп. — в кассу, 10 — продавцу). Но стоило редакции объявить (в №5, июнь–июль 1990 г.) подписку на следующие номера, как механизм разладился. Последний, шестой, номер вышел осенью 1990 года. Время требовало более оперативной реакции и тратить два–три месяца на отправку макета в Прибалтику и ожидание тиража было уже нельзя. Кроме того, к этому моменту тираж главной партийной газеты «Свободное слово» достиг 55 тысяч экземпляров и иркутские ДСовцы полностью переключились на продажу собственных «центральных» изданий и популярных в то время прибалтийских газет и пресс-дайджестов.

Странное детище Сергея Боровского, орган Иркутской организации Партии Конституционных демократов (ПКД) «ДОГОВОР» был почти полностью набран на компьютере, а макет распечатан на матричном принтере. 40 страниц формата А5 поделены между 10 страницами деклараций и публицистики и 30 — прозы.

«Мы, конституционные демократы, намерены возродить и упрочить первую в России политическую партию европейского парламентского типа», — сказано в редакционной «Декларации».

Сам С. Боровский написал для журнала ни много, ни мало «Введение в демократию». В первой части статьи излагается различие между естественным и государственным правом, между разными формами общественного договора (при этом 6 статья Конституции СССР приравнивалась к фразе Людовика XIV «Государство — это я!»). Боровский полагал, что более справедливым и действенным является та форма общественного договора, при которой все законопослушные и психически полноценные граждане равны в своих правах и носителем верховной власти является народ. В таком случае попытки узурпировать власть (в тексте есть прямое указание на дату узурпации — 1917 год) должны расцениваться как бунт, уголовное преступление. Для защиты своей власти народ учреждает государство, постоянно действующий аппарат, наделяет его частью своих полномочий и отчисляет на его содержание долю произведенного продукта в виде налога. Для того, чтобы государство не могло выйти из-под контроля народа в общественном договоре, необходимо оговорить рамки полномочий всех чиновников и систему контроля над ними. В качестве действующего примера приводятся конституции западных стран. Очевидно, что автор идеализирует общественное устройство «западных демократий» и переоценивает способность народа следить за «надлежащим исполнением полномочий»; не вызывает сомнений и то, что эта часть журнала — отголосок дискуссий между бывшим членом ДС Боровским и анархистами.

Сразу за статьей опубликован отрывок из книги Ницше «Человеческое, слишком человеческое»: «Из всех свойств человека наиболее выработаны рассудительность и стремление к личной выгоде. Когда государство перестанет отвечать требованиям этих сил... изобретена будет новая форма, еще более целесообразная... государство наверное просуществует еще достаточно времени и не допустит разрушительных попыток торопливых легкомысленных полужнаек».

Ницше, тут же напомнил В. Симиненко («Что вы нам дадите?», или О вреде поэзии в политике»), был поэт, враг либерализма и не жаловал сторонников демократии. Конституционные демократы призывали не смешивать поэзию и политику: «Политика, в отличие от поэзии и коммунизма, не должна и не может ставить себе в цель избавление человечества от страданий. ...Демократия не призвана спасти ваши души и заполнять ваши желудки. Она предоставляет вам заниматься этим самим. ...Она обещает вам систему законов и систему разделения властей, могущих обеспечить вам нормальные условия для вашей экономической, политической, культурной и любой другой деятельности».

Противопоставляя очевидному абсурду советской жизни идеализированные представления о демократии, Симиненко полагал, что стоит только убрать препоны административно-командной системы и заработают законы рынка, появится средний класс. «При демократии потребности человека ограничены его

возможностями, которые он привык строго оценивать». Откуда возьмутся такие способности в советском человеке, которому «сколько ни даешь — все мало», Симиненко не объяснял.

Еще один сторонник конституционной демократии — И. Дьяконов — в чем-то повторяя Боровского, весьма эмоционально описывал отличие КД от всего остального человечества: «Мы сторонники узаконивания гражданских свобод, их конституционирования... личность — ценнее государства... основа человеческих отношений — закон... государство — это всего лишь аппарат, не имеющий самостоятельной ценности... мы стремимся дойти до «смысловых атомов» и поэтому для нас не существуют такие принципиально неопределимые понятия как «право на труд», «эксплуатация» и тому подобные поэтические обороты».

Большую часть журнала занимают отрывки из романа Дм. Сергеева «Запасной полк», повести Боровского «Столыпин» (вторая — после «Свечи» — попытка опубликовать это произведение) и ...фантастического романа У. Миллера «Банк крови». На последних страницах номера размещены 10 «политических карикатур» С. Сунцова. Отзывы неформалов об издании (см., например, заметки Е. Турчанинова в «Тихвинской площади» №5) были скорее негативными, и первый номер, вышедший летом 1990 года (хотя дата на обложке — май), стал последним.

Если подойти к очередному самодеятельному журналу или газете не только с формальным определением, но и с негласной традицией оппозиционности властям (то, о чем Мяло писала как об одном из основных признаков самиздата!), то мы вынуждены будем оставить «за бортом» довольно значительную его часть — издания национал-патриотических партий, союзов, группировок и отдельных личностей. Именуя себя патриотами считают, что власть действующая (любая) несовершенна и их долг состоит в том, чтобы подсказать и направить ее в нужное русло. Средства для этого выбираются по возможности легальные, но в СССР и позднее в России нашлось довольно значительное число националистов, чьи взгляды были слишком одиозны даже для лояльной к подобным проявлениям системы. В СССР русские националисты преследовались точно так же, как любые другие диссиденты, но они участвовали и в общих акциях в защиту политзаключенных, свободы слова и пр. Современные националисты, напротив, готовы использовать все предоставляемые демократией права (в частности — свободу слова) для того, чтобы лишить этих прав всех остальных. Издания иркутских национал-патриотов выходили в те времена, когда националисты во власти еще не сделали организованных националистов своими подручными и эти последние еще считались неформалами.

Участие религиозно-патриотических, монархических и прочих в том же духе кругов в самиздате Иркутска вылилось в выпуск «ВЕСТНИКА» — журнала Патриотического Объединения Общественности «Верность»(36) (редакция: А. Шевченко, А. Турик — бывший депутат Законодательного собрания, Р. Днепровский — сейчас сотрудник ИГТРК). Единственный номер вышел в сентябре 1989 г. объемом 50 стр. формата А5. На обложке красуется нетрадиционное изображение св. Георгия Победоносца: конь святого «скачет» не слева направо (как, например, на реверсе современных копеек), а справа налево.

Журнал был посвящен годовщине победы русского войска над татаро-монголами на Куликовом поле, которой придавалось огромное значение. Во вступительном слове написано буквально следующее: «Предлагаем съезду народных депутатов и Верховному Совету России объявить 21 (8) сентября День Куликовской битвы Днем Единения России... Русский народ заслужил того, чтобы иметь хотя бы один общенациональный праздник». Необходимость учреждения такого праздника обосновывалась тем, что «само существование России под угрозой» и причина тому «десятки лет безудержного и всеобщего разрушительства». В журнале есть ремарка, что он распространялся на этом поле — вероятно, во время торжественных мероприятий?

Речь В.О. Ключевского, посвященная Сергию Радонежскому и отрывок из сочинения Н. Костомарова «Русская история» (о князе Д. Донском) в русле этих рассуждений. Но телеграмма делегатов Учредительной конференции Союза Духовного Возрождения Отечества Пленуму ЦК КПСС — с приветствиями, пожеланиями успехов, и заверениями в поддержке идей перестройки — свидетельствует о двоемыслии, свойственном как всему движению, так и его лидерам. Большую часть номера занимают как раз документы этого Союза. В тезисах доклада известного публициста Михаила Афанасьева (избранного председателем Центрального Совета Союза) можно найти удивительные совпадения с идеями «вампиловцев». Первые полагали, что их главные заботы лежат в сфере нравственной, главной задачей считали — «способствовать по мере сил подрастающей гуманности», вторые — восемь лет спустя — главной причиной кризиса в экономике, экологии и прочих сферах считали «кризис в области идеологии, утраты веры и идеалов».

Нельзя не удивляться и тому, что для обоснования возрождения православной религии приводятся цитаты из Ленина! Констатируя наличие кризиса во всех почти сферах жизни — тем не менее, говорят об «огромной и притягательной силе социализма», тотально отрицая все созданное западной цивилизацией — однако,

ссылаются на анонимных «американских специалистов» при каждом удобном случае. Завершают номер документы Союза патриотических организаций Урала и Сибири.

«Иркутская губернская газета» «ВЕДОМОСТИ» — еще один образец самиздата религиозно–патриотического. Формально сотрудники редакции (В. Витвицкий, В. Скурихин, Н. Коробкин, И. Кланюк) не заявляли о принадлежности газеты какой–либо партии, однако некоторые из них были сначала членами объединения «Верность», а затем покинули его и перешли в группу Российского Христианского Демократического движения (у газеты и группы РХДД в Иркутске был один и тот же контактный телефон).

Известно о выходе 10 номеров газеты тиражом до 900 экземпляров в течение лета–осени 1990 года. Объем газеты составлял 2 полосы формата А3. Темы собственных материалов — хроника, «духовное возрождение» (нельзя не процитировать о. Геннадия Яковлева из №2: «Милостью Божьей мы получили практически неограниченную возможность беспрепятственной проповеди Евангелия, возрождения церковно–приходских школ, благотворительности, милосердия. Но вместо этого храмы, как во времена земной жизни Спасителя Иисуса Христа, превращаются в дома торговли, «комбинаты платных бытовых услуг». Новые Заветы, подаренные (выделено мной. — В.С.) нашими зарубежными братьями, продаются по 25–50 рублей»), критика большевизма с предложением всем коммунистам немедленно выйти из партии и покаяться. Была предпринята попытка реабилитации «белого воинства» (в №3), в приговоре Смирнову–Осташвили редакция усмотрела «политические мотивы». Редакция утверждала, что с каждого проданного номера газеты 10 копеек идет на восстановление Храма Христа Спасителя в Москве.

Второй в области по величине город Ангарск не богат самиздатом, как, впрочем, и его базой — неформальными движениями и организациями (сказалось отсутствие вузов и научно–исследовательских институтов, традиционно поставлявших кадры для общественно–политических объединений всех типов). Фактически в городе существовал только один политклуб — «Демократия», организованный еще в 1989 году Владимиром Лукьяновым. В состав политклуба входили члены Социалистической партии (Кагарлицкого), Соцпрофа, Демократической партии России (Травкина), Конфедерации анархо–синдикалистов и будущие социал–демократы. Первые собрания социал–демократов прошли в апреле 1990 года, городская организация СДПР формально была создана еще в мае на учредительном собрании в ДК «Бытовик», а учредительная конференция прошла 19 июня. Информационный бюллетень Ангарской городской организации Социал–демократической партии России «ИНФО–ЭКСПРЕСС» выходил чуть больше года с июня 1990 года (№1 — 1–10 июня) по ноябрь 1991 года, когда его сменила официально зарегистрированная газета «12 июня» (вышел один номер)(37).

Бюллетень выходил в широко распространенном тогда виде — компьютерная распечатка на листах А4, причем особенность «Инфо–экспресса» в том, что весь тираж печатался именно на принтере и копировально–множительные устройства в этом не участвовали. Никакого четкого регламента относительно количества страниц в номере, определенных рубрик, тематики заметок не существовало. Несколько номеров (например, №№1–3) могли быть датированы одним числом, о периодичности выхода также не было и речи.

Первые номера партийного издания традиционно отданы Декларации основных принципов СДПР, Уставу и интервью (с лидером российской социал–демократии О. Румянцевым). Следующие номера переориентируются на «злобу дня»: резолюции Учредительной конференции городской организации, резолюция Совета рабочих комитетов Кузбасса с требованием отставки правительства СССР, сообщение о новом следствии по делу о насильственном свержении правительства демократической Российской Республики в ноябре 1917 года, ответ социал–демократов на призыв Президента СССР к гражданскому миру... В 1991 году, когда у СДПР было даже несколько народных депутатов СССР и РСФСР, партия казалась одной из самых симпатичных. Видимо, это и сгубило «Инфо–экспресс» — будучи избранными в Советы городского и районного уровней, социал–демократы забросили издание неприбыльного (распространялся бесплатно, в основном на массовых мероприятиях) бюллетеня.

Зимой 1988–1989 года в ангарской школе №35 группой старшеклассников были изданы три номера стенгазеты «ГАЙД–ПАРК». На трех ватманских листах размещались написанные от руки заметки о школьной жизни и (в №1) стихи А. Башлачева, позаимствованные из журнала «Юность». Газета пользовалась определенной популярностью...

Иркутск, как ни странно, почти не участвовал в рок–самиздате. Исследователь музыкального самиздата А. Кушнир упоминает в своей книге «Золотое подполье» всего одно иркутское издание — журнал «БЛАГИМ МАТОМ». Вот что он пишет: «Один номер: 90 г., 40 стр., 50 экз. Редакция Ал. Бенников, С. Терипгорьев. Обзорные статьи традиционного плана о рок–движении в Сибирском регионе»(38).

Журнал, выдающийся во всех отношениях — «МАГАЗИН УБИТЫХ». Поскольку на нем нет никаких выходных данных за исключением номера, все остальное пришлось вычислять и восстанавливать буквально по крупицам со слов знакомых сотрудников редакции и знакомых их знакомых. Достоверность не вполне удовлетворительная, но выбирать не приходится.

Вероятно, журнал вышел не раньше осени 1990 и не позже весны 1991 года(39). Чтобы определить точнее пришлось бы встречаться с кем-то из его бывших сотрудников, а это не просто: иных (Сергея Терпигорьева и Кэпса — Андрея Пивоварова) нет в живых, иные — весьма далеко (Дмитрий Карманов эмигрировал в 1998 году в город Санкт-Петербург). Сложность состоит еще и в том, что некоторые авторы не подозревали о своем «участии» в проекте — М. Левашов, например, ничего не знает о журнале.

Трудно сказать, почему журнал не попал в энциклопедию А. Кушнира «Золотое подполье», формальные требования соблюдены — большая и лучшая часть его площади посвящена рок-музыке и музыкантам. Среди авторов «МУ» известные ныне Др. Макс (Максим Левашов), Роман Гаврилин, группа «Хижина Мельника», лидер «Млечного Пути» А. Рыбаков (оставившие свой след в разделе «Проза и поэзия молодых ежиков»). Обзорная статья, не озаглавленная в журнале, но условно называемая «Иркутский рок — уникальное явление природы», сдержанно — (по одному абзацу на группу) описывает это самое явление — в то время еще романтическое и наивное. Десять лет спустя, когда мало найдется людей, способных вспомнить, чем отличалась «Леонора» от «Пилигрима-2» остается только жалеть, что некто дядя Бен был так скуп на слова. Зато редакция сохранила фотографии Ю. Дорохина, запечатлевшие нескольких иркутских рокеров. Впрочем, жанр парадного портрета не очень подходит к этим людям... а вот автопортрет редактора журнала «Благим матом» («тушь, портвейн») напротив, вполне адекватен рокерскому образу жизни. Доза иронии, заключенная в подборке цитат из иркутской прессы 86–87 годов («Пройдет немного лет, «металлисты» подрастут и те из них, кто не попадет в тюрьму за хулиганство и не сгубит себя наркотиками, станут вполне уважаемыми мещанами») тут же уравновешивается назидательностью и пафосом («Сдержанность в суждениях — залог неиссякаемой надежды»).

Примечательно, что редакция (некто дядя Б., Юрий Семенов и духовный отец С. Терпигорьев при финансовой поддержке С. Предеина, М. Баниевой и А.) изначально не планировала продолжать журнал далее первого номера и эти 19 страниц формата А4, покрытые машинописным (местами — рукописным) текстом, рисунками и плохими ксерокопиями фотографий, есть все, на что у редакции хватило сил и желания.

По непроверенной информации, в марте 1990 года секретарь комитета комсомола ИИНХ Эраст Бутаков издал на собственные средства 350 экземпляров необычного даже для самиздата издания: «ЛОЖЬ. Орган гражданина Бутакова Э.Ю.». Проявить такую активность его заставила профсоюзная конференция института, к которой он хотел привлечь внимание студентов. «Все здесь написанное не заслуживает Вашего внимания. Конечно, от скуки и массы свободного времени я пачкаю бумагу. Для Вас горькая правда лучше, чем сладкая ложь. Меня приучили к сладкому. Ложь обнадеживает. Надеждой живет человек» — так описал свои побудительные мотивы сам автор и редактор(40).

Сохранились два номера газеты «Express MAGAZIN» — от 26.11 и 16.12.91 года. По внешнему виду это одна полоска А4 с машинописным текстом и неизвестного происхождения фотографиями. Внешность, как обычно, обманчива: у газеты была богатая история и большая редакция (главный редактор Максим Истомин, 1-й заместитель Виталий Барышкин — вопросы редакционной политики, директор газеты (оргвопросы) Павел Жуков, коммерческий директор Александр Коржаков). Если верить редакционной статье в декабрьском номере, то газета выходила с марта 1990 года на историческом факультете ИГУ. Выходила в виде стенгазеты и — ежедневно! Затем газета изменила формат, тираж (вырос до 100 экземпляров) и способ тиражирования (машинописный). У редакции хватило смелости уже тогда объявить подписку, но, как известно, для самиздата это плохая примета — в издании наступил перерыв. Тем не менее, кризис был преодолен, и во второй раз газету тиражировали уже на бесплатном ксероксе. Распространялась газета бесплатно — кто-то просто выкладывал очередной номер в коридорах и аудиториях ИГУ. Редакция планировала с января 1992 года выходить один-два раза в неделю и в типографии, но, судя по всему, эти планы так и не сбылись.

Содержание газеты: три строчки про новый союзный договор, десять — про неудачное замужество Дж. Фонды, почти полстраницы про первый визит Ельцина в Германию. Газета, судя по комментариям к новостям и уже упомянутой редакционной статье, занимала демократические и антисоюзные, антигорбачевские позиции. (Жаль, что анонсированная заметка о визите Горбачева в Иркутск так и не была опубликована — ходили разные слухи, а кто-то из редакции, скорее всего, видел все собственными глазами.) Большая часть новостей бралась с западных радиоголосов (сообщение о ликвидации СССР, впрочем, написано по передачам радио России): якобы они давали объективную и правдивую информацию. От обвинений в прозападности редакцию

спасают только обещания публиковать материалы «Голоса исламской республики Иран» и один собственный материал — «обзор» партий в Иркутской области (забавно, что из 10 перечисленных партий и движений — численность некоторых достигала 300 человек! — на сегодня сохранились всего две организации).

Официальных объявлений о кончине «Express MAGAZINa» — в полном соответствии с самиздатской традицией, но вопреки претензиям редакции на солидность — не делалось. Вероятно, в следующем году редакторат вышел на дипломную прямую и стало не до газеты...

Что касается самиздата неперидического, то есть программных документов групп и организаций и листовок, то в Иркутске сохранились «Проект Манифеста Демократического Союза», «Общественный договор» и Устав Социалистического клуба и несколько листовок, посвященных выборам народного депутата СССР по 170 национально-территориальному округу, вызвавшим большой резонанс. Хотя листовок было, безусловно, больше, но их сбором и хранением вряд ли кто-то занимался серьезно.

«Проект Манифеста Демократического Союза борьбы за перестройку» написан в начале 1988 года, еще до того, как в Иркутске узнали о создании в Москве партии с таким же названием. Начинается он с констатации факта: лозунг демократизации становится все более популярным, но одновременно усиливается сопротивление — тут документ становится неконкретным — тех кругов, которые «вершили неправый суд над народом от имени народа... отдали народ на произвол чиновничьего аппарата... довели страну до полного разорения, втянули ее в позорную войну в Афганистане». Но народ не может оставаться безгласным вечно — от отдельных смелых людей «Манифест» протягивает логическую цепочку к общественным группам и движениям, многочисленным и многолюдным. Поскольку борьба этих групп носит пока стихийный характер — «главной задачей сегодня является объединение всех прогрессивных сил в единый союз и защита демократических начал», а роль объединителя как раз и должен сыграть Демократический Союз. Врагами демократии авторы «Проекта» считали бюрократическую систему с одной стороны и реакционные националистические силы — с другой. Главными лозунгами Союза должны быть «Вся власть Советам» и «За многопартийную систему».

Авторы документа понимали, что предоставление доступа к власти партиям еще не гарантирует, что будет услышан голос каждого отдельного гражданина. Для того, чтобы все идеи и мнения «стали достоянием народа, необходимо обеспечить неприкосновенность личности, свободу собраний, свободу слова и отмену правительственной цензуры». Ограничение в праве издавать свой собственный печатный орган предусматривалось только для тех, кто исповедует «человеконенавистнические взгляды». Предлагалась полная свобода в создании профессиональных и творческих союзов, свобода вероисповедания, отделение всех партий от государства; отмена 70, 72 и 190 статей УК, реабилитация осужденных по этим статьям.

Интересный и редко встречающийся пункт — обеспечение экономической свободы граждан: «пока человек находится в полной экономической зависимости от государства-работодателя, всегда будут найдены эффективные средства для того, чтобы заставить его замолчать». Поэтому, покушаются авторы документа на основу основ — «общенародную» собственность на средства производства, необходимо разрешить кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность, закрепить законом право на забастовки. Землю, однако, предполагалось оставить в собственности государства, дав ее крестьянам на правах бессрочной аренды, не ограничивая размер наделов, но без использования наемного труда(41). «Объединиться, чтобы созидать!» — призывают авторы «Проекта». «Общественный договор»(42) — это изложение идейной основы, суммы взглядов активистов СК (писали его Подшивалов, Малых и Симиненко) на общественный строй СССР («государственный капитализм»), проводимую в стране перестройку («реформы имеют половинчатый и непоследовательный характер», т.к. тормозятся аппаратом) и формулировка задач объединения на ближайшее будущее. Хитрость заключалась в том, что СК был «объединением приверженцев социалистических идей, признающих, что общественный строй в СССР не является социализмом» — и с одной стороны, придраться было не к чему. А с другой — любому понимающему было достаточно фразы «клуб... продолжает курс Октябрьской революции на построение бесклассового общества и полное отмирание государства», чтобы понять — эти люди почти анархисты. У клуба было три задачи: изучение всемирного наследия социалистической мысли, пропаганда социалистических идей во всех слоях населения, приобретение политического опыта путем участия в работе общественных объединений и Советов всех уровней. Однако СК выступал за отмену 6 статьи Конституции, отделение Советов от партийного аппарата, придание официального статуса всем неформальным объединениям и создание в стране многопартийности (считая это гарантией от монополизации власти узкой группой лиц). СК предлагал установить четкие определения критики недостатков общественного строя и антиобщественной деятельности, отменить политические статьи УК; отменить существующие в КГБ функции политической полиции; ввести подотчетность милиции и органов госбезопасности местным Советам; ликвидировать политотделы в армии. Очень важен

пункт об экономической политике: СК выступал за переход от государственной собственности к коллективной, передачу средств производства Советам трудовых коллективов. В межнациональных отношениях СК допускал право наций на самоопределение и даже изменение «устаревших национально–административных границ». Примечательно, что членом СК с правом решающего голоса можно было стать только подписав договор и выполняя конкретную работу в интересах клуба.

«Устав» СК был подготовлен для регистрации «самодетельной хозрасчетной общественной организации» (именно этим объясняется пункт 1.4 «СК является юридическим лицом, имеет собственные расчетные счета... круглую печать») и принят общим собранием клуба 4 апреля 1990 года после раскола и выхода из его состава сторонников ДС. Под документом стоят подписи актива клуба: Подшивалов И.Ю., Кулехов М.Е., Филипченко Д.Ю., Воронцов М.В., Пальшин А.А. В нем уже прямо говорится, что клуб объединяет сторонников анархо–синдикализма, а член клуба должен как минимум положительно относиться к анархо–синдикализму. Вся символика клуба — за исключением эмблемы, символа «Инь–Янь» с черной и красной половинами — традиционная анархо–синдикалистская. Клуб считал себя частью мирового анархо–синдикалистского движения и входил в КАС. Члены клуба планировали вести пропагандистскую (издание собственных газет, журналов, проведение митингов, организацию семинаров, диспутов, лекториев), исследовательскую (организация структур по конкретной тематике) и хозяйственную (производство товаров народного потребления, художественно–оформительские, ремонтно–строительные, научно–производственные и пр. работы) деятельность. Несколько абсурдно выглядят планы вести экспортно–импортные операции, создать совместные предприятия и арендовать здания и сооружения — но, видимо, это были стандартные пункты, которые необходимо было так или иначе заполнить при регистрации организации. Этот устав — уникальная смесь из «Общественного договора», Организационного договора КАС (пункты о порядке принятия решений) и требований органов власти(43).

Первые листовки — по воспоминаниям участников событий — стали делать в Клубе гражданских инициатив, в Академгородке, чуть позднее в эту кампанию включился Соцклуб. Тематика была примерно одинаковая: XIX партийная конференция, выборы, экологические проблемы. Листовка, о которой говорилось выше, также подписана Социалистическим клубом. В 170 округе единственным кандидатом был зарегистрирован директор авиазавода Г.Н. Горбунов, член КПСС. СК не имел ничего против лично гражданина Горбунова, но считал, что предвыборное собрание, выполнив букву закона, нарушило «принципы демократизма, лишило избирателей выстраданного права выбора». Горбунова просили снять кандидатуру — для того, чтобы провести повторные демократические выборы; если это не произойдет — избирателям предлагали голосовать против единственного кандидата и таким способом добиться повторных выборов на альтернативной основе. Хотя ничего противозаконного в листовке не было, одного из авторов и распространителей — Подшивалова — вызвали к прокурору области. Позднее, во время выборов в Верховный Совет РСФСР, появились анонимные листовки, в которых кандидата Ю.А. Ножикова обвиняли в связях с анархистами на основании встречи Подшивалова и Ножикова во время «голодовки в сквере». Ножиков, разумеется, это отрицал; Подшивалов на вопрос о поддержке анархистами кандидатуры Ножикова отвечал, что у Юрия Абрамовича достаточно авторитета и без их поддержки. Провокация не удалась(44). Однако председатель облисполкома Ножиков отправил в редакцию газеты Восточно–сибирского речного пароходства «Ударная вахта» (где тогда работал Подшивалов) письмо с просьбой восстановить журналиста на работе и не считать дни, проведенные в сквере, прогулом(45).

Ангарская организация СДПР в 1990 году выпустила листовку «Долой парткомы с заводов, гос. учреждений и организаций!». Система партийных комитетов КПСС, существовавших абсолютно во всех государственных органах и учреждениях, была основой тотальной власти коммунистов. Это была «экономическая опора партбюрократии; ...кадровый рычаг на предприятиях; ...контроль за распространением информации». Социал–демократы предлагали запретить деятельность на предприятиях всех организаций, кроме профсоюзных; запретить материальное обеспечение за счет предприятий любых партийных организаций; отменить ст. 111 КЗОТ, не выплачивать компенсацию за выполнение общественных функций и запретить собрание любых организаций на территории предприятий. Инструментом деполитизации должен был стать соответствующий Закон, принятый Верховным Советом РСФСР.

Ангарская городская профсоюзная организация рабочих–металлистов Объединения СОЦПРОФ в том же 1990 выпустила целый ряд листовок с информацией о своей деятельности («Новые свободные профсоюзы СОЦПРОФ») и документами объединения («Декларация I съезда СОЦПРОФ» и «Резолюция I съезда о деятельности ВЦСПС и «советских профсоюзов»). Листовки предназначались не для расклеивания на улицах (как это часто делается), а для раздачи на митингах и встречах. Все листовки выполнены на стандартных листах А4, распечатаны на матричном принтере.

В виде листовки распространялось в 1990 году «Обращение к сибирякам». Его подписали шестнадцать человек, иркутяне (члены Политического клуба, ДС, КАС, профсоюза независимых журналистов, КГИ и беспартийные) и житель г. Улан-Удэ В.К. Тархаев. Документ написан в период экономической блокады Литвы: «...наши литовские братья, убедившись, в отсутствии реальных перемен, решили пойти своим путем, при этом не ущемляя прав других, провозгласили независимость своей нации. ...Мы и наше правительство должны относиться к Литовскому правительству с уважением и первыми признать его.

Мы не желаем воевать за амбиции Президента! Друг, Литва далеко, а повестка придет в Твой Дом». Как известно, время подтвердило опасения сибиряков, кровь пролилась. Но эта акция не получила массовой поддержки граждан России, и в этом есть определенная заслуга активистов неформальных организаций, все лето и часть осени 1990 года собиравших подписи под обращением к Президенту СССР.

Еще один интересный самиздатский документ — письмо И. Подшивалова «КАС — организация, а не тусовка», написанное летом 1990 года. Документ распространялся среди членов анархистских групп и стал причиной дискуссии на III съезде КАС (3–4 ноября 1990 г, г. Ленинград). Поводом для написания письма стал резкий рост численности анархистских групп в течение осени 1989 — весны 1990 гг. при одновременном ухудшении качества «кадров». Если раньше в анархистские организации приходили люди старше 20 лет, с высшим или незаконченным высшим образованием (по результатам некоторых опросов — до 70% членов организации), прошедших как минимум школу первых митингов, арестов и штрафов, то теперь появилась мода на анархизм. В движение пошли многочисленные панки, хиппи и просто странные люди. В КАС, например, состояли анархо-индеанисты (поклонники культуры и философии североамериканских индейцев), анархо-биокосмисты (последователи Вернадского), анархо-язычник. Молодежь просто восполняла дефицит общения.

В письме, опираясь на опыт анархистов начала XX века, Подшивалов призывал ужесточить правила приема в КАС и четко зафиксировать в Организационном договоре условия, при которых анархиста можно будет исключить из организации и в то же время быть уверенным, что его не восстановят в соседнем городе. Результатом дискуссии вокруг феноменально жесткого для анархистов 1990 года «письма Подшивалова» стала специальная резолюция III съезда, принятая несколькими сибирскими организациями КАС и группами АКРС–КАС. Требования ужесточения дисциплины (а фактически — наведения минимального порядка) привели в следующем году к расколу в нескольких городских организациях КАС и стали частью общего кризиса Конфедерации.

Заключение

Следующий, 1991 год, стал последним годом того неформального движения, которое мы знали в эпоху перестройки. Распад единого информационного пространства СССР; ликвидация цензуры как части государственного аппарата; бурный рост новых изданий и расширение рамок старых; в какой-то мере — пресыщение негативной информацией; экономические реформы, лишившие большинство неформалов свободного времени — вот далеко не все факторы, которые способствовали исчезновению советского самиздата. В Иркутской области в 1991 году вышли четыре номера музыкального журнала «Житинский №7» (редактор — С. Анисин, г. Братск) и до 1994 года самиздат если и существовал, то в виде листовок (предвыборные материалы нельзя считать самиздатом) и школьных газет.

История иркутского самиздата — это история прежде всего людей, ярких, равнодушных, смелых, отличавшихся от всех остальных — знавших ничуть не меньше — лишь тем, что они не молчали. За самиздат можно было пострадать, но в то же время участие в самиздате в какой-то мере спасало от безвестности и произвола властей. Исследователи диссидентского движения признают, что в тех случаях, когда власть была уверена в сохранении завесы секретности над ее действиями, расправа над инакомыслящими становилась намного более жестокой.

Иркутские издания значительно отличаются друг от друга по стилю, тематике и уровню исполнения; к сожалению, ни одно из них не просуществовало достаточно долго, чтобы можно было проследить его эволюцию. Но вне зависимости от направления и качества, самиздат стал выражением общественного мнения, это голос народа в чистом виде, без фильтров и цензуры. Самиздат стал своеобразной школой, через которую прошли сотни читателей. Влияние самиздата на умы меньше количественно, но, несомненно, глубже качественно. Нередко читатель самиздата очень скоро сам включается в издательский процесс.

Самиздат — важнейший источник по истории общественно-политических движений в СССР во второй половине прошлого века. Самиздат дополняет картину мира, которую создают официальные средства массовой информации. Он освещает те стороны жизни, которые для официоза не представляют интереса, но принципиально важны для многих людей и даже (как, например, экологический) для всего общества в целом.

В некоторых исследованиях самиздата существует тенденция толковать это понятие как можно шире. Так, в книгу «Самиздат века»(46) включены не только тексты из периодических изданий, но и рисунки (непризнанных в СССР художников), надписи на стенах, анекдоты и частушки, тексты песен отечественных рок-групп. Иркутская область могла бы представить достойные образцы всех этих видов творчества, но такая работа даже не начиналась.

Возможно, в этой статье названы не все существовавшие в нашей области издания, вне всяких сомнений — лишь мизерная часть документов неформальных организаций и листовок. Многие утеряно безвозвратно, что-то могло сохраниться в архивах КГБ и партийных органов. Нам же остается лишь выразить свою признательность тем, кто сохранил самиздат в своих личных архивах:

Геннадию Константиновичу Хороших,

Игорю Юрьевичу Подшивалову,

Галие Ивановне Бобковой,

Павлу Валентиновичу Малых.

Список используемых сокращений

АКРС — Анархо-коммунистический революционный союз

ДС — Демократический союз

ИИНХ — Иркутский институт народного хозяйства (сейчас ИГЭА)

КАС — Конфедерация анархо-синдикалистов

КГИ — Клуб гражданских инициатив

КДП — Конституционно-демократическая партия

ПВС — Президиум Верховного Совета

СДА — Социал-демократическая ассоциация

СПА — Сибирская правозащитная Ассоциация

СТК — Совет трудового коллектива

СДПР — Социал-демократическая партия

СЭИ — Сибирский Энергетический Институт

СК — Социалистический клуб

СОЦПРОФ — объединение Социалистических профсоюзов СССР

СУМ — Союз учащейся молодежи (Москва)

ФСОК — Федерация социалистических общественных клубов

Автор: Владимир Скращук, ИГУ © Babr24.com ИСТОРИЯ , БАЙКАЛ 👁 26673 16.12.2004, 12:47 📌 569

URL: <https://babr24.com/?ADE=18353> Bytes: 107569 / 107489 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

